

Личность, субъект деятельности, индивидуальность

1. Социальные ситуации развития личности и ее статус

Личность – общественный индивид, объект и субъект исторического процесса. Поэтому в характеристиках личности наиболее полно раскрывается общественная сущность человека, определяющая все явления человеческого развития, включая природные особенности. Об этой сущности К. Маркс писал: "Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений" [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 3]. Историко-материалистическое понимание сущности человека и общественного развития составило основу научного изучения законов развития всех свойств человека, среди которых личность занимает ведущее положение. (Возможно, что этим обстоятельством объясняется идентификация более общего понятия "человек" с более частным понятием

"личность", распространенная в современной философской и психологической литературе.)

Формирование и развитие личности определено совокупностью условий социального существования в данную историческую эпоху. Личность – объект многих экономических, политических, правовых, моральных и других воздействий на человека общества в данный момент его исторического развития, следовательно, на данной стадии развития данной общественно-экономической формации, в определенной стране с ее национальным и классовым составом.

Лишь охарактеризовав основные силы, воздействующие на формирование личности, включая социальное направление образования и общественного воспитания, т. е. определив человека как *объект* общественного развития, мы можем понять внутренние условия его становления как *субъекта* общественного развития. В этом смысле личность всегда *конкретно-исторична*, она – продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих вехи истории общества и ее жизненного пути.

Подобно тому как не существует внесоциальной личности, так нет и

внеисторической личности, не относящейся к определенной эпохе, формации, классу и его определенному слою, национальности и т. д. Именно в этом, социально-историческом смысле, относящемся к ее сущности, личность всегда конкретна. В кратком словаре терминов, заключающем второй том "Социологии в СССР" [1966], правильно отмечается: "Личность представляет собой конкретное выражение сущности человека, т. е. определенным образом реализованную интеграцию в данном индивиде социально значимых черт, относящихся к сущности данного общества" [с. 492]. Однако в это определение включены далее деятельность и способности, что несколько расширяет интерпретацию личности в принятом смысле слова. Категория личности как конкретного социального существа противопоставляется категории индивида, которая является, по мнению авторов, "абстрактной, поскольку здесь всегда происходит отвлечение от реальной специфики жизни и деятельности реального человека" [там же, с. 490]. Ф. В. Константинов пишет в связи с этим, что "личность, человек, если его не отнести к тому или иному исторически существующему обществу, к той или иной социальной группе, классу, – это наихудшая и самая тощая

абстракция" [1965, с. 14]. Поэтому изучение личности неизбежно становится *историческим исследованием* не только процесса ее воспитания и становления в определенных социальных условиях, но и эпохи, страны, общественного строя, современников, соратников, сотрудников или, напротив, противников – в общем, соучастников дел, времени и событий, в которые была вовлечена личность.

Биографическое исследование личности, ее жизненного пути и творчества есть род исторического исследования в любой области знания – искусствоведения, истории науки и техники, психологии...

Периодизация жизненного пути и основные вехи деятельности в биографических исследованиях определяются в хронологических рамках эпохи и фазы ее развития в данной стране. Иначе и невозможно построить цельную биографическую картину жизни человека, в которой история является не только фоном и канвой для узоров биографии, но и основным партнером в жизненной драме человека. Как соучастник исторических событий и член общностей, являющихся субъектами социальных процессов, личность характеризуется определенной глубиной *осознания и переживания*

исторического процесса, "чувством истории", как можно было бы назвать такое переживание.

Историческое, социологическое и социально-психологическое исследование личности составляет в настоящее время единый и основной путь ее изучения, определяющий собственно психологическое исследование...

Это означает, между прочим, что в эмпирических исследованиях современных психологов, несмотря на наличие многих теоретических расхождений, достигнут определенный уровень *объективного понимания личности в системе социальных связей и отношений*, начиная от связей в малых группах и коллективах и кончая целыми культурами, обществами, эпохами. Если оценивать общее положение теории личности в зарубежной социологии, социальной психологии и психологии, то необходимо признать, что субъективистские представления (психоаналитические и т. п.) все меньше используются в качестве рабочих принципов в конкретных исследованиях личности. Идея социальных взаимозависимостей как основы динамической структуры личности приобрела общее значение для различных направлений социологического и психологического

исследования личности. Однако в самом понимании этих взаимозависимостей, конечно, имеются коренные различия, так как многие буржуазные ученые руководствуются абстрактно-социологическими и индивидуалистическими концепциями личности.

В советской социологии имеются различные толкования соотношенности понятий "личность – человек". Нам особенно близка точка зрения В. П. Тугаринова, который пишет следующее: "Понятие "личность" указывает на свойство человека, а человек есть носитель этого свойства... Свойство быть личностью присуще человеку не как биологическому существу, а как социальному существу, т. е. общественно-историческому человеку как совокупности общественных отношений" [1965, с. 42–43].

В ряде своих работ по социологии личности И. С. Кон подчеркивает ведущее значение понятия "личность" среди других признаков понятия "человек". Так, например, он указывает, что "понятие личности обозначает целостного человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций (ролей)... Личность социальна, поскольку все ее роли и ее самосознание – продукт общественного развития" [Философская

энциклопедия, т. 3, с. 196].

Несомненно, что подлинно научное исследование личности может быть построено лишь на основе исторического материализма и понимания исторически-классовой сущности ее развития. Примечательно, что объективный ход эмпирических исследований статуса личности приводит ученых к определению зависимостей личности от ее социально-экономического положения в обществе и политической организации государства, но это определение носит эмпирический характер, нередко противоречащий основным теоретическим положениям.

В современной науке накоплен значительный материал, характеризующий *социальные ситуации* развития личности в условиях капиталистической и социалистической формаций, предвоенных лет, в годы второй мировой войны – в ситуациях побед и поражения фашизма, движения Сопротивления, возникновения мировой системы социализма, распада колониальных империй и т. д. В будущем этот материал, вероятно, будет использован для сравнительно-исторического анализа и определения веса того или иного фактора (экономического, политического и т. д.) в

социальных ситуациях развития личности XX в.

В зависимости от социально-экономической формации (социалистической или капиталистической) в современных условиях складывается определенный целостный образ жизни — комплекс взаимодействующих обстоятельств (экономических, политических, правовых, идеологических, социально-психологических и т. д.). В этот комплекс входят явления производства материальной жизни общества и сферы потребления, социальные институты, средства массовой коммуникации и сами люди, объединенные в различные общности. Взаимодействие человека с этими обстоятельствами жизни составляет ту или иную социальную ситуацию развития личности.

Создание собственной среды, благоприятной для развития, требует многих лет напряженной деятельности человека во многих социальных ситуациях (экономических, правовых, идеологических, социально-психологических). Типология подобных ситуаций еще не разработана, но оснований для постановки такого вопроса достаточно, особенно для исследования влияния политических или социально-психологических ситуаций на развитие личности. Статус и позиция личности представляются более

изменчивыми и подвижными в связи с изменениями различных социальных ситуаций развития личности.

Для полной характеристики такой ситуации необходимы и демографические данные, которые используются (хотя и недостаточно) для исследования некоторых моментов общественного развития (см.: К. Дэвис [1965]; Б. Ц. Урланис [1965], [1966]; Т. С. Баталина [1966]; Проблемы демографической статистики [1966]. Особо следует выделить "Курс демографии" под ред. А. Я. Боярского [1967], в котором рассмотрены демографические закономерности, в том числе взаимосвязь демографических явлений, современные демографические ситуации и другие проблемы, важные для социологии и социальной психологии), но редко привлекаются к характеристике социальной ситуации развития личности. Эти материалы не используются даже тогда, когда они были бы непосредственно полезны для характеристики условий общественного развития человека.

Вероятно, таким случаем является воображаемая ситуация А. Пьерона, построенная с целью показать значение преемственной связи поколений в духовном развитии человечества и человека. Воображаемую трагическую ситуацию

А. Пьерона удачно использовал А. Н. Леонтьев для иллюстрации своих идей о процессе психического развития ребенка через посредство присвоения общественного опыта. ("Если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой остались бы в живых только маленькие дети, а все взрослое население погибло, то хотя человеческий род и не прекратился бы, однако история человечества неизбежно была бы прервана. Сокровища культуры продолжали бы физически существовать, но их некому было бы раскрыть для новых поколений. Машины бездействовали бы, книги оставались бы непрочитанными, художественные произведения утратили бы свою эстетическую функцию... движение истории невозможно без активной передачи новым поколениям достижений человеческой культуры, без воспитания" [А. Н. Леонтьев, 1965, с. 409–410]). К счастью для человечества, такая ситуация вымышлена. Однако для исторического развития существенно соотношение поколений, та или иная пропорциональная соразмерность их в социально-экономическом и культурном развитии данного общества, в структуре народонаселения.

Историческая и социологическая проблема поколений является вместе с тем демографической

проблемой возрастных групп и когорт в структуре народонаселения. (Советский демограф Б. Ц. Ур-ланис так образно описывает соотношение поколений: "Все население страны с этой точки зрения можно рассматривать как "слоеный пирог". В каждом случае слоем будет поколение родившихся в определенном году. Среди этих слоев самый низкий – новорожденные и "сосунки". За ними идут "ползунки" и "прыгунки". Потом – первоклассники, старшекласники, а затем уже рабочие и колхозники, которые своим трудом на полях и заводах кормят себя, всех детей и старших. В верхних ярусах этих слоев находятся пенсионеры, уже отработавшие свой век". [Этюд о возрасте. – Неделя, 1966, No 40, с. 8]). Исследование этих проблем позволяет углубить представление о социальной ситуации развития личности в определенный момент исторического времени. Дело в том, что структура народонаселения выражает качественное и количественное отношения между поколениями и соответственно вероятностный характер *социальных связей личности* с собственным поколением и другими – младшими и старшими. (В примечании к цитируемой выше статье Б. Ц. Урланис пишет: "Понятие "поколение" имеет еще и другой смысл.

Под поколением понимается часто интервал времени между возрастом родителей и их детей. С этой точки зрения говорят о длине поколений и измеряют ее в виде определенного числа лет".)

Личность, как мы хорошо знаем, не только продукт истории, но и участник ее живого движения, объект и субъект *современности*. Быть может, наиболее чувствительный индикатор социальных связей личности – ее связь с современностью, с главными социальными движениями своего времени. Но эта связь тесно смыкается с более частным видом социальных связей, с людьми своего класса, общественного слоя, профессии и т. д., являющимися *сверстниками*, с которыми данная личность вместе формировалась в одно и то же историческое время, была свидетелем и участником событий, о которых младшие будут знать лишь из преданий, литературы и т. д. Формирование общности поколения зависит от системы общественного воспитания. Принадлежность к определенному поколению всегда является важной характеристикой конкретной личности.

Не менее важным является и способ взаимодействия поколений в данном обществе или его системе воспитания. Конфликт между

поколениями в буржуазном обществе, единство поколений в социалистическом обществе, несмотря на наличие различных мотиваций и ценностных ориентаций, весьма существенны для характеристики социальных ситуаций развития личности. В нашей системе воспитания, как неоднократно подчеркивал А. С. Макаренко, принципиальное значение имеет межвозрастная структура школьного коллектива. Вообще в структуре любого коллектива должно быть определенное соответствие молодых и старых работников для соединения высоких потенций развития и жизненного опыта. Для проектирования таких социальных пропорций в определенных макро- и микрогруппах общества необходимо знание демографических сдвигов в развитии структуры народонаселения.

В результате войн образуются "ямы" в демографических пирамидах, поскольку высокая смертность молодых мужчин резко нарушает соотношение возрастов и ограничивает воспроизводство населения. Но кроме таких катастрофически образовавшихся демографических "ям" существует тенденция постарения населения, отмечаемая демографами многих экономически развитых стран за последнее десятилетие. Об этом свидетельствуют,

например, сравнительно-демографические данные Франции (табл. 8) [Р. Пресса, 1966, с. 271].

Т а б л и ц а 8

Распределение населения Франции
на три крупные возрастные группы с 1775 по 1959 г. (в %)

Возраст (в полных годах)	1775 г.	1851 г.	1901 г.	1946 г.	1959 г.
0—19	42,8	38,5	34,3	29,5	31,8
20—59	49,9	51,3	52,7	54,5	51,6
60 и старше	7,3	10,2	13,0	16,0	16,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 8

Распределение населения Франции на три крупные
возрастные группы с 1775 по 1959 г. (в %)

Сравнительно с 1775 г. к 1959 г. образовалась устойчивая тенденция постарения народонаселения и уменьшения общей массы младшей из возрастных групп.

Историческая демография поучительна в сопоставлении сдвигов возрастной структуры населения в различные эпохи общественного развития одной и той же страны. Не менее показательны для характеристики одной и той же эпохи и культурного развития различных стран данные *сравнительной демографии...*

В этом отношении весьма интересны

статистические данные по переписям 1945–1954 гг., проводившимся для определения грамотности в ряде капиталистических стран. (Таблицы из "Demographic Yearbook" приведены в приложении к книге Д. И. Валентей [1963].) Из этих данных легко усмотреть, что тенденции постарения в странах Западной Европы противостоит противоположная тенденция омолаживания населения за счет высокой рождаемости и вместе с тем высокой смертности людей старших возрастов в развивающихся странах. Так, например, если в Бельгии детей до десяти летнего возраста насчитывалось всего 13,3% от общего населения, то в Бразилии, Таиланде, Коста-Рике – 30,0%. (В новейшем "Демографическом ежегоднике ООН" сообщается, "что в развивающихся странах 41 процент жителей приходится на возрастную группу до 15 лет, тогда как в развитых странах к этой возрастной группе принадлежит лишь 28 процентов населения" ("За рубежом", 1968, No 3, с. 4). К старшей возрастной группе (45 лет и выше), напротив, в Бельгии относится 36,3% населения, в Бразилии– 17,7%, в Таиланде– 14%, в Коста-Рике– 13%. Это значит, что если в Бельгии на 1 ребенка приходится почти 3 пожилых и старых человека, то в Коста-Рике, например, на 1 пожилого или старого человека

приходится более 2 детей. Условия передачи опыта и воспитания в этих случаях противоположны. Взаимодействие поколений и передача опыта оказываются весьма различными в разных странах в зависимости от уровня общественно-экономического и культурного развития.

Как видим, вместо воображаемой ситуации А. Пьерона можно представить реальные демографические ситуации, в которых нарушается соразмерность возрастных групп и существенно изменяется масса каждого из поколений.

Статистический анализ рождаемости, смертности, естественного прироста и средней продолжительности жизни довольно точно диагностирует достигнутый данным обществом уровень благосостояния и влияние его на *развитие личности*. Существующая в демографии традиция определения возрастных контингентов как возрастной структуры народонаселения имеет важное значение для определения состояния человеческих ресурсов и ресурсов страны. В СССР, несмотря на большие потери людских ресурсов во время второй мировой войны, соотношение между численностью населения в детском, трудоспособном и пожилом возрастах иное, нежели, например, в Англии и США.

В. Г. Подъячих приводит сравнительные данные переписей, из которых видно, что людей до 16 лет в СССР 30,4%, в США – 28,3%, а в Англии – 25,1%; людей же в возрасте 65 лет и старше в Англии 10,9%, в США – 8,1%, в СССР – 6,2%. По переписи 1959 г., в СССР почти с всего населения составляют лица, родившиеся после Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с тем показатели долголетия становятся все более внушительными. По переписи 1959 г. и последующим контрольным обследованиям, было установлено, что в СССР проживает 21 708 человек в возрасте 100 лет и старше, в том числе 17 272 человека – в сельских местностях и 4436 человек – в городах. Однако, по демографическим прогнозам, в ближайшие десятилетия в нашей стране ожидается увеличение численности пожилых возрастных групп, как это видно из нижеприводимой табл. 9 [М. С. Бедный, 1966, с. 261].

В этих расчетах обращает на себя внимание ожидаемое изменение в соотношении численности мужчин и женщин в разных возрастных группах, что должно сказаться на условиях последующего развития брака и семьи, общественного и семейного воспитания, обеспечения рабочей силой различных профессий и т. д. Очевидно, что

демографический прогноз имеет существенное значение для социального планирования и проектирования личности, поскольку социально-демографическая ситуация ее развития определяет статус личности.

С момента рождения человек формируется в определенной общественной среде и в зависимости от статуса или положения родителей в этой среде, их экономических, политических и правовых позиций, рода занятий, образования и т. д. Если имеет место резкое нарушение, особенно снижение уровня материальной и культурной жизни семьи, то оно непосредственно сказывается на условиях формирования личности. Статус семьи может быть более или менее устойчивым. В таком случае создается жизненный стереотип того или иного уровня, который упрочивает механизмы поведения и стабилизирует наиболее общие и важные для последующей эволюции черты личности.

С началом самостоятельной общественно-трудовой деятельности строится собственный статус человека, преемственно связанный со статусом семьи, из которой он вышел. Под влиянием обстоятельств жизни и исторического времени собственный статус может все более отдаляться от старого статуса и

преодолевать старый уклад жизни, сохраняя, однако, наиболее ценные традиции.

Сочетание черт относительной устойчивости и преобразований в связи с развитием всего общества характерно для статуса. Положение личности в обществе определяется системой ее прав и обязанностей, их соотношением, реальным обеспечением прав личности со стороны данного общества и реальным осуществлением обязанностей по отношению к обществу со стороны личности.

Таблица 9

Ожидаемый возрастной состав населения (в %)

Возраст (в годах)	1959 г. перепись		Через 10 лет				Через 20 лет			
			а*		б**		а*		б**	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
0—14	22,4	18,8	23,2	19,2	23,1	18,9	18,9	15,8	18,6	15,3
15—59	71,5	71,3	67,2	65,4	66,7	65,5	68,9	63,8	67,7	63,3
60 +	6,1	9,9	9,6	15,4	10,2	15,6	12,2	20,4	13,7	21,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

а* — при неизменной по возрастной смертности, б** — при ее снижении.

Таблица 9

Ожидаемый возрастной состав населения (в %)

По определению Р. Линтона, статусы личности представляют собой центры сосредоточения прав и обязанностей, некоторую идеальную схему положения личности в обществе.

С. Н. Тимашев пишет, что "статус есть позиция в определенной схеме; это просто собрание прав и обязанностей" [1961, с. 505]. Рассматривая определения статуса как собрания прав и обязанностей (Т. Сабин), позиции личности в социальной структуре, которая может быть отнесена к высшему или низшему рангу (Т. Парсонс, Р. Парк), Е. С. Кузьмин замечает, что "основное содержание этого понятия носит сугубо социальный характер и связано с должностью, с правами и обязанностями личности" [1967, с. 121].

Наиболее важной для американской буржуазной социологии оказалась такая характеристика статуса, как его устойчивость, являющаяся переменной положения человека в обществе (сравнительно с другими людьми того же самого общества). Постепенное становление прочности статуса обозначается как кристаллизация статуса по критериям, типичным для "американского образа жизни": род занятий, величина дохода, уровень образования и этническая принадлежность. По каждому из них может сложиться соответствующий частичный статус. Из соотношения этих статусов выводят общий профиль статуса, причем величина дохода и этническая принадлежность имеют

определяющее значение для положения личности в современном американском буржуазном обществе. В качестве привходящей переменной используется фактор осознания человеком собственного статуса и степени его устойчивости. Л. Брум пишет по этому поводу следующее: "Лица, проявляющие некий обусловленный профиль неустойчивости статусов и в известной степени *сознающие* эту неустойчивость, обнаружат строго определенные установки или виды поведения. Хотя и напрашивается предположение, что устойчивость и неустойчивость сказываются на поведении, следует, однако, признать, что многие люди ведут замкнутую в четырех стенах жизнь, не имеют представления о неустойчивости собственных статусов и никак не реагируют на нее" [1965, с. 480].

Статус личности как бы "задан" сложившейся системой общественных отношений, социальных образований, объективно определяющих "место" личности в социальной структуре. Понятие статуса личности может быть дополнено понятием позиции личности, характеризующим субъективную, деятельную сторону положения личности в этой структуре. И. С. Кон, объединяющий эти понятия, пишет следующее:

"Социальное положение (позиция) индивида – его место в определенной конкретной социальной структуре. В силу сложности общественных отношений каждый индивид занимает множество позиций (учитель – профессиональная позиция, отец – семейная, партгрупорг – общественно-политическая), различающихся по своему значению, определенности и другим признакам" [1967, с. 23].

Многообразные позиции личности, сочетающие объективные и субъективные ее характеристики, строятся на основе ее статуса, но могут его преобразовать или, напротив, закрепить в зависимости от эффектов деятельности.

Статус личности объективен и осознается ею частично или целостно, адекватно или неадекватно, пассивно или активно (человек или приспосабливается к нему, сопротивляясь и борясь со сложившимся положением, или, напротив, защищает его и свои права). Однако как в осознании статуса, так и в самом объективном существовании статуса личности буржуазные социологи не хотят видеть производных от классовой сущности американского общества феноменов. В качестве основных принципов дифференциации этого общества взамен классов, якобы не существующих в нем, предлагаются: а)

общественные слои (страты), весьма подвижные и переменные в зависимости от продвижения личности и групп по социальной лестнице; б) уровень доходов. Примечательно, что наиболее устойчивым признаком слоя оказывается, если верить такой дифференциации, признак этнический.

Существование подвижных общественных слоев вполне возможно в нашу эпоху, полную динамики, однако эти слои представляют дифференциацию класса в классовом обществе и определяются в конечном счете не этническими, а экономическими факторами, с которыми связаны политические, правовые, идеологические, социально-психологические характеристики общества и личности.

Научное исследование статуса личности должно включать изучение ее реального экономического положения (имущественную характеристику, общий заработок семьи, обеспеченность жильем, реальный бюджет в соотношении со структурой потребления), политически-правового положения как определенного баланса прав и обязанностей гражданина (права и обязанности личности составляют ядро статуса, изучаемое юридическими науками, значение которых для

теории личности все еще недооценивается). Определение оптимального соотношения между правами личности и ее обязанностями в социалистическом обществе составляет важную задачу всех общественных наук, включая юридические с их теорией правового статуса советского гражданина. По определению М. С. Строговича, "правовой статус гражданина – это его правовое положение в социалистическом государстве и обществе. Субъективные права гражданина – это составная часть его правового статуса, другой частью этого статуса являются правовые обязанности советского гражданина" [1966, с. 176]), члена организации макро- и микроколлективов, трудовой профессиональной характеристики (положения человека в системе квалификаций, специальностей, объема труда и трудоспособности человека), образовательного статуса, положения семьи данного человека и положения личности в своей семье. Национальные, религиозные и другие особенности человека должны учитываться в связи с общей структурой данного общества (однородного или неоднородного в национальном отношении), наличием или отсутствием господствующей религии, наличием или отсутствием прав личности на атеизм и т. д.

Исследование статуса личности имеет важное значение для определения ее социальных функций – ролей, которые рассматриваются вообще как динамический аспект статуса, реализация связей, заданных позициями личности в обществе. В не меньшей степени статус личности, сходный со статусами одних и противоположный статусам других людей в микросреде и более крупных общественных образованиях, имеет значение для формирования осознания и переживания человеком общности с другими людьми, генезиса коллективных начал поведения и чувства "Мы", идентифицируемого с определениями этой общности как "Мое – наше". Вместе с тем, как было показано Б. В. Поршневым [1965], такие состояния общности исторически были связаны с обособлением данной общности и противопоставлением ее всему остальному ("мы – они").

Именно общности, а не отдельные личности являются субъектами общественных отношений. А. В. Дроздов имеет основание утверждать, что "социально-исторические общности являются субъектами общественных отношений" [1966, с. 115]. Он пишет, что "возникновение и существование социальных общностей *определяющим образом* влияет и на отношения

между *отдельными* людьми, увеличивает объем (число) их связей, обогащает содержание человека как системы (совокупности) общественных отношений. *Человек* и его связи оказываются более многогранными, он становится фокусом отношений различного *уровня, общности и качества*" [там же, с. 117].

Научная разработка этой важной проблемы теории личности лишь начинается, причем ее исследование, конечно, возможно только комплексным путем, поскольку статус личности, по существу говоря, не только положение личности в обществе, но и основа ее образа жизни, совокупности тех обстоятельств жизни и событий, которые детерминируют ее деятельность и преобразуются в процессе этой деятельности.

Осознание статуса, как и осознание бытия вообще, невозможно вне и без деятельности человека, без практического отношения его к бытию, тем более что многие компоненты статуса не заданы общественной средой, а производятся в самом процессе человеческой деятельности. Однако деятельность в целом и в отдельном своем акте (действии) осуществляется в соответствии с ролью человека в данной системе отношений, опосредующих действительность, с процедурами поведения, предписываемыми этой ролью, —

общественной функцией человека в данной ситуации. (Для социологической и социально-психологической разработки этой проблемы весьма полезны некоторые понятия из области общей теории права и государства. Мы имеем в виду понятия "субъективное право", "правомочие" как один из элементов правоотношений, "правоотношение", "норма права" и т. д. Отождествление их или, напротив, взаимообособление ошибочно. Д. А. Керимов так определяет их соотношение: "Правомочия... есть реализация, осуществление субъективного права в действиях лица, вступившего в конкретное правоотношение" [1956, с. 26]. М. С. Строгович также указывает, что "правоотношения являются формой, способом, при помощи которых осуществляются субъективные права (и выполняются правовые обязанности)... Эти права осуществляются и обязанности выполняются в особых отношениях людей, предусмотренных нормами права, т. е. в правоотношениях" [1966, с. 177]. Для общей теории социального поведения весьма существенно понимание своеобразного совмещения прав и обязанностей в конкретных правоотношениях. "Субъективное право приобретает смысл лишь в том случае, – замечает Д. А. Керимов, – если норма права,

его устанавливающая, одновременно корреспондирует юридической обязанности другого лица" [1956, с. 26]. Подобная взаимозависимость может считаться общей моделью общественного поведения и взаимоотношений между людьми с их определенными социальными статусами. Разумность, ответственность, свобода, личное достоинство, действенный вклад в развитие общества – таковы основные признаки самой личности, справедливо выделяемые В. П. Тугариновым. В его определении ответственность перед обществом, определенные права и свободы, т. е. характеристики статуса, неотделимы от разумной деятельности человека в обществе.)

Профессионально-трудовая деятельность всегда осуществляется совместно с тем или иным общественным поведением, которое оказывает определенное регулирующее влияние на развитие этой деятельности.

2. Общественные функции – роли и ценностные ориентации личности

Изучение личности начинается с определения ее статуса, при этом сама личность рассматривается как совокупный эффект социальных ситуаций развития, как объект воздействия различных социальных структур и исторических процессов. Однако уже при изучении статуса личности обнаруживается, что по мере ее формирования и развития возрастает мера ее активности в сохранении или преобразовании собственного статуса в зависимости от социальной общности, к которой она принадлежит. Деятельная, субъективная сторона статуса выступает в виде позиции личности, которую она занимает в условиях определенного статуса.

На эту особенность сочетания в человеческой личности свойств объекта и субъекта обращено внимание как в социологии (см.: И. С. Кон [1967]), так и в психологии (см.: Б. Г. Ананьев [1967]). Позиция личности как субъекта общественного поведения и многообразных социальных деятельностей представляет сложную систему отношений личности (к обществу в целом

и общностям, к которым она принадлежит, к труду, людям, самой себе), установок и мотивов, которыми она руководствуется в своей деятельности, целей и ценностей, на которые направлена эта деятельность. Вся эта сложная система субъектных свойств реализуется в определенном комплексе общественных функций – ролей, выполняемых человеком в заданных социальных ситуациях развития.

В современной советской социологии подчеркивается многозначность понятия "личность" и значение в нем определения субъекта деятельности. Так, например, И. С. Кон пишет: "С одной стороны, оно обозначает конкретного индивида (лицо) как субъекта деятельности, в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее). С другой стороны, личность понимается как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения [1967, с. 7].

В связи с многозначностью понятия "личность" возникла необходимость отграничить и ограничить область психологии личности,

поскольку изучение общественных отношений, составляющих ее сущность, входит в непосредственные задачи марксистской социологии. Расхождения между исследователями весьма значительны, так как для одних ученых область психологии личности ограничивается изучением индивидуально-типических ее особенностей (см.: К. Н. Корнилов [1957]), а для других – включает всю совокупность психических свойств человека в их связи с психическими состояниями и процессами [Б. М. Теплов, 1957], совокупность субъективных отношений человека к объективной действительности и самому себе [В. Н. Мясищев, 1960], основные социально-психологические характеристики личности [В. И. Селиванов, 1960].

Несмотря на существенные расхождения в подходе к проблеме, у советских психологов имеются и общие позиции в этой области, связанные с характеристиками активности субъекта. Вот что, например, писал Д. Н. Узнадзе: "Наша наука призвана поставить вопрос о психологическом анализе и изучении закономерностей человеческой деятельности, поскольку она представляет собой предпосылку психической жизни, вырастающей и развивающейся на ее базе. При этом понимании

психической активности человека, согласно которому она включает в себя активность субъекта как целого, предполагается, что психология должна приступить к своей работе, исследуя в первую очередь субъекта, личность как целое, но не отдельные акты его психической деятельности" [1961, с. 167]. Д. Н. Узнадзе подчеркивает, что эта деятельность есть лишь "дальнейшая спецификация" личностного целого.

Сходные положения развивал С. Л. Рубинштейн, особенно выделявший значение личностного целого как совокупности внутренних закономерностей, через которые преломляются все внешние воздействия на человека. Он писал: "Введение в психологию понятия личности означает, прежде всего, что в объяснении психических явлений исходят из реального бытия человека как материального существа в его взаимоотношениях с материальным миром. Все психические явления в их взаимосвязях принадлежат конкретному, живому, действующему человеку; все они являются зависимыми и производными от природного и общественного бытия человека и закономерностей, его определяющих" [1957, с. 30].

Примечательна позиция известного

исследователя в области психологии личности В. Н. Мясищева. По его мнению, "современная советская, иначе научная, психология, опираясь на марксистско-ленинское учение, сформулировала свои принципиальные и методические позиции. Однако она страдает еще недоразвитием, и существенным пробелом ее является то, что психика рассматривается преимущественно как процессы, но носитель их – личность – изучается недостаточно. Деятельность исследуется в отрыве от деятеля. Объект – процессы психической деятельности – изучается без субъекта – личности" [1960, с. 7]. Далее В. Н. Мясищев так формулирует свою позицию: "Психология безличных процессов должна быть заменена психологией деятельности личности, или личности в деятельности [там же, с. 11].

Нас в данном случае не интересует вопрос о соотношении в структуре психологической науки учений о психических процессах и психических свойствах личности. Достаточно ограничиться указанием на то, что различия в толковании обоих учений не препятствуют совпадению взглядов на личностную целостность как "носителя" (по выражению К. К. Платонова, "Личность – это человек как носитель создания" [1965, с. 21]) психических процессов и субъекта деятельности,

изменяющих условия существования человека. Более расширительно эта мысль сформулирована А. В. Веденовым: "Закономерности психической жизни человека обусловлены закономерностями развития его *личности*" [1956, с. 20]. Следовательно, психологическая наука в целом имеет своим предметом познания человеческую личность.

По мнению А. Г. Ковалева, существует особый отдел – "психология личности", который "имеет своим предметом духовный мир живой человеческой личности, в которой проявляется единство общего, особенного и единичного" [1963, с. 15].

Существуют, как видим, известные различия в толковании понятия "психология личности" в психологическом исследовании личности как субъекта деятельности. Однако при любом толковании признается, что, говоря словами А. В. Петровского, "психический склад личности является производным от деятельности человека и детерминирован прежде всего развитием общественных условий его жизни" [Философская энциклопедия, т. 3, с. 201]. Не менее существенно то, что сам человек как член тех или иных общностей участвует в развитии этих условий, выполняя определенный комплекс общественных

функций.

Личность как общественный индивид всегда выполняет определенную совокупность общественных функций. Каждая из них осуществляется путем своеобразного общественного поведения, строится в виде известных систем поведения и обуславливающих их мотиваций. Эти системы поведения, мотивы и общественные функции личности в целом детерминированы нормами морали, права и другими явлениями общественного развития. Они ориентированы на определенные эталоны общественного поведения, соответствующие классовому сознанию или господствующей идеологии. Любая деятельность человека осуществляется в системе объектно-субъектных отношений, т. е. социальных связей и взаимосвязей, которые образуют человека как общественное существо – личность, субъекта и объекта исторического процесса.

Деятельность (труд, общение и познание; игра и учение, спорт и самодеятельность разных видов) осуществляется лишь в системе этих связей и взаимозависимостей. Поэтому субъект деятельности – личность – и характеризуется теми или иными правами и обязанностями, которые общество ей присваивает, функциями и ролью,

которую она играет в малой группе, коллективе и обществе в целом.

Однако в классовом обществе (рабовладельческом, феодальном, капиталистическом) эксплуатация человека человеком, принудительное присвоение продуктов труда господствующим классом приводили и приводят к обезличиванию трудящихся, производящих материальные ценности, общественное богатство. Это обезличивание трудящегося человека осуществлялось и осуществляется путем резкого нарушения нормального баланса прав и обязанностей (лишения или ограничения прав), а в современном капиталистическом обществе – путем создания фиктивных прав без реальных гарантий их осуществления. Даже тогда, когда капитализм принужден был признать права трудящихся как рабочих и служащих (т. е. профсоюзные объединения и коллективную защиту экономических прав), он оставил под запретом или резко ограничил права трудящихся на образование и приобщение их к науке и искусству. Сотни миллионов малограмотных в современном "свободном обществе" – таков показатель прав трудящегося человека в области познания, типичный для капиталистического общества.

В еще большей степени расходится круг обязанностей (чрезвычайно широкий) с кругом прав трудящегося человека в области общения. Паллиативную роль в капиталистическом обществе играют средства современных массовых коммуникаций, так как они выполняют функции идеологических стимуляторов, но не удовлетворяют и не могут удовлетворять потребности человека в общении с людьми в человеческих связях.

По мере гигантского роста городов и массовых коммуникаций в этих условиях возрастает одиночество человека, усиливается конфликт между человеком как субъектом общения и обезличенностью его в сфере общения современного капиталистического общества. Сравнительное изучение различных современных средств массовой коммуникации (печати, радио, телевидения) в условиях буржуазной цивилизации показывает их относительно малую эффективность по ряду причин, в том числе вследствие растущего конфликта между личностью и стандартизацией, обезличиванием образа ее жизни в обществе [W. Schramm (edit.), 1960].

Интересно отметить, что конформизм не только не устраняет одиночества, но, напротив,

его усиливает. Оба эти явления одинакового происхождения и свидетельствуют о патологии общения.

Ранг личности, ее масштаб и роль в классовом обществе определяются множеством факторов, нередко не имеющих никакого отношения к продуктивности основных видов деятельности. К этим факторам относятся наследование имущественных прав, сословные, классовые, расовые и национальные привилегии, создаваемый этими привилегиями престиж, репутация и популярность. Все это конституирует личность, но не определяется свойствами человека как субъекта труда и познания. Более или менее крупные ранги личности, престиж и репутация в этих условиях связаны не с производством материальных и духовных ценностей общества, не с созданием общественных благ, а с их эксплуатацией, накоплением.

Буржуазные общественные отношения (правовые, нравственные, не говоря уже об экономических) способствуют тому, что человек как личность относительно обособляется от свойств субъекта, в том числе и его продуктивности. Личность расширяется или, напротив, сужается в своих границах, ранг и масштаб изменяются безотносительно к

продуктивности труда и структуре творческой деятельности. Крупной личностью может оказаться невежда и гангстер, паразитический тип и туеядец; ранг личности парадоксально эмансипируется от ее деятельности в обществе и для общества. Ранг личности фактически сводится к мере обладания, которую достаточно откровенно определил В. Джеймс [1910] – один из теоретиков американского прагматизма и предтеча современных бихевиористских концепций.

Известно, что В. Джеймс различал личность в широком и узком смысле. Личность в узком смысле слова есть человек как "я сам", его собственная организация и внутренний мир. Однако "я сам" существует реально в более широком мире, создаваемом благодаря моим приобретениям в обществе: капиталу и наличным деньгам, вещам обихода, недвижимости, экипажам, библиотеке, связям, семье и т. д. Эти мои приобретения расширяют личность безгранично, а потеря денег, вещей или связей сужает ее до крайности, вплоть до социальной гибели личности, деградации "я". Фактически В. Джеймс признал, что сущностью личности в капиталистическом обществе является частная собственность, на что впервые было указано

К. Марксом и Ф. Энгельсом в "Манифесте Коммунистической партии".

Личность в широком смысле слова есть определенная структура обладания собственностью, как традиционно утверждают буржуазные мыслители. Допускается, однако, расширение границ понятия личности путем "присвоения" ею не только материальных, но и духовных ценностей, не только вещей, но и связей, ассимиляции не только ближайшей сферы, но и духовных накоплений человеческой истории. Эта идея близка к пониманию психического развития как процесса деятельности, но, конечно, вульгарно трактуемого как предпринимательство и потребительство благ.

Позиции личности в обществе, построенном в виде сложной иерархической системы социальных отношений, привилегий (сословных, классовых, расовых, национальных, профессиональных и т. д.), определяют престиж, репутацию и популярность личности независимо от ее личных свойств и вклада в общественное развитие. Активность личности в буржуазном обществе может выступать и в форме использования этих привилегий как средств воздействия на других людей и присвоения продуктов их деятельности силой привилегий. В такой позиции свойства

субъекта не имеют какого-либо значения для личности буржуа, присваивающего путем отчуждения не только продукты деятельности других людей, но и их потенциалы, т. е. способности и таланты.

Лишь с ликвидацией капиталистических отношений, эксплуатации человека человеком личность в полной мере становится субъектом деятельности и ее истинная ценность начинает измеряться творческим вкладом в общественное развитие. Легко заметить, что совпадение личности с субъектом определяется экстерииоризацией, социальной отдачей личности. Экстерииоризации, конечно, предшествует длительная история развития личности путем интерииоризации, однако в соотношении между этими двумя линиями развития явно возрастает перевес экстерииоризации над интерииоризацией.

Потребление культурных ценностей находится в определенной зависимости от производства самим человеком какого-то минимума этих ценностей.

В единой структуре человека характеристика субъекта деятельности в обществе так или иначе взаимосвязана с характеристиками человека как личности, т. е. члена определенного общества, класса, сословия, профессиональной группы и т. д.

Однако в этой взаимосвязи имеются ограничения в результате действия двух рассмотренных выше факторов, вследствие чего возможно относительное "отделение" личности от свойств субъекта, т. е. расщепление структуры человека.

В социалистическом обществе нет объективно существующих социальных условий для такого расщепления структуры человека. С ликвидацией частной собственности на средства производства были устранены и основные привилегии классового общества. Однако пережитки частнособственнической психологии еще оставляют возможность дивергентного развития личности и субъекта.

Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и т. д.), определяющих положение человека в обществе, в структуре определенной общественно-экономической формации.

Поэтому личность прежде всего – современница определенной эпохи, и это определение личности конституирует множество

ее социально-психологических свойств. В этой, современной ей, эпохе личность занимает определенное место в классовой структуре общества. Принадлежность личности к определенному классу составляет другое основное ее определение, с которым непосредственно связано положение личности в обществе. Отсюда также следуют экономическое состояние и род деятельности, политическое состояние и род деятельности человека как члена организаций, правовое сознание и структура прав и обязанностей личности, нравственное поведение и сознание (структура духовных ценностей). К этому следует добавить, что человек всегда определяется и характеристиками его поведения как сверстника определенного поколения, семейной структурой и положением его в этой структуре (как отца или матери, сына или дочери и т. д.).

Весьма существенной характеристикой человека как личности является его национальная принадлежность, а в условиях расовой дискриминации капиталистического общества – и принадлежность к определенной расе (привилегированной или угнетенной), хотя сама раса не является социальным образованием, и т. д.

Все вышеперечисленные характеристики личности есть, действительно, характеристики

общественных отношений и функций, ими определяемых. Для этих характеристик не всегда существенны свойства человека как субъекта и почти не имеют значения природные свойства человека как индивида. Вернее, можно сказать, что любые из них могут быть включены в любые из социальных связей.

Субъект, таким образом, всегда личность, а личность – субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, так как, помимо различия самих характеристик деятельности и отношений, существуют еще различия в принадлежности этих характеристик к более общим структурам. Дело в том, что личность как общественный индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единичный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Такой структурной единицей, "элементом" общества является не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа, взаимоотноответственные связи которой внутри нее и между другими группами, с обществом в целом создают коллектив.

Каждая группа (малая или большая) имеет структуру и институты, определяющие функции

и роль каждого ее члена, который является так или иначе ее представителем и функционером по отношению к другим группам и обществу в целом. И. С. Кон так характеризует отношение личности к группе: "Принадлежность индивида к группе выражается в определенных функциях (ролях), в которых фиксируются его обязанности и права по отношению к группе. Ролей, как и групп, к которым принадлежит индивид, много: муж, отец, рабочий и т. п. ... Определение объективной структуры личности как совокупности всех ее ролей подчеркивает зависимость личности от других индивидов и социального целого" [1964, с. 196].

Однако понятие социальной роли, столь распространенное в современной социологии и социальной психологии, должно быть включено в более широкую систему социологических понятий (социальное положение, позиция, структура общности, сферы общественной деятельности, классы и социальные группы, общественные институты и т. д.). В такой системе, рассмотренной И. С. Коном, социальная роль может быть определена более полно. "Под ролью, – пишет И. С. Кон, – понимается функция, нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную

позицию... Эти ожидания, определяющие общие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного индивида; они даются ему как нечто внешнее, более или менее обязательное; их субъектом является не индивид, а общество или какая-то конкретная социальная группа" [1967, с. 23]. Именно поэтому ролевое поведение личности можно понять лишь в связи с более общими социальными структурами, к которым относится данная социальная группа.

Комплекс социальных групп (например, семья – детский сад для маленького ребенка; семья – производственный коллектив – общественная организация и т. д. для взрослого человека) составляет микросреду, через которую личность взаимодействует с более крупными социальными образованиями и обществом в целом.

В свою очередь, эта социальная микросреда воздействует на личность через комплекс социальных групп, в которые личность входит в качестве члена их формальных и неформальных структур [Е. С. Кузьмин, 1967].

Сложная цепь взаимосвязей между макросредой, микросредой и личностью, согласно исследованиям Е. С. Кузьмина и его сотрудников, составляет важную характеристику социального развития личности. Эта сложная цепь

взаимосвязей является своего рода механизмом социального развития человека в современном ему мире и вместе с тем создания собственной среды, относительно постоянного образа жизни. Естественно поэтому, что социологическое и социально-психологическое исследование личности обнаруживает значительную подвижность и относительность ее границ, то расширяющихся до самых общих социальных структур, то сужающихся до какой-либо одной малой группы.

В еще большей степени подвижны и противоречивы характеристики личности в различных социальных группах, членом которых она является, так как ее деятельность зависит от людей, с которыми она взаимодействует (партнеров), авторитета и репутации лидера формальной или неформальной структуры группы, отношения к лидеру и группе и т. д.). Поскольку в каждой из социальных систем и групп имеются собственные предписания, санкции и подкрепления (виды материальной и моральной стимуляции), то они предъявляют стереотипные требования к личности независимо от ее индивидуально-типических особенностей. Эти требования в виде "ролевого ожидания" определяют поведение человека в данной

социальной системе в форме выполнения заданных социальных функций (ролей).

Если не видеть за всей этой картиной собственной, внутренней структуры личности, то возникает соблазн представить личность лишь как комплекс социальных процессов, своего рода набор социальных ролей, которые рассматриваются как динамический аспект статуса личности. ("*Роль* представляет динамический аспект статуса; когда индивидум осуществляет права и обязанности, он выполняет роль" [Г. Беккер и А. Босков, 1961, с. 505]. С точки зрения Линтона, "основная личность" в основном бессознательна [там же, с. 624], Как видим, такая концепция игнорирует в личности ее субъектные свойства и активный характер социальных связей человека.) Именно такое представление защищают Д. Симпсон и Д. М. Ингер, которые пишут: "На наш взгляд, личность лучше всего рассматривать не как совокупность определенных черт, не как статичную систему, а как процесс. Личность, представляемая в виде процесса, может быть познана только путем изучения поведения, являющегося результатом взаимодействия индивида с ситуацией" [1965, с. 419]. С их точки зрения, личность есть только то, что она делает, и

поэтому она может быть определена в серии варьируемых действий в зависимости "от референтной группы, с которой индивид отождествляет себя в указанный момент; от санкций и вознаграждений, обусловленных конкретной обстановкой; от ролей, которые отводятся индивиду; и от диапазона тенденций, приносимых индивидом в ситуацию" [там же, с. 422].

Такое отождествление личности с референтной группой и набором социальных ролей широко распространено в современной буржуазной социологии и социальной психологии. Полная взаимозаменяемость людей при исполнении социальных ролей и сходстве ситуаций рассматривается как следствие социального функционирования личности. Единственное, с чем готовы считаться Д. Симпсон и Д. М. Ингер в сфере личных факторов, – это диапазон тенденций индивидов, т. е. мотивация их поведения в группе. Для управления этим фактором существуют, считают они, сравнительно-элементарные регуляторы в виде вознаграждения или взыскания, с помощью которых можно обеспечить эффективное исполнение социальных ролей.

Подбор людей и комплектование малых групп определяются с этой точки зрения лишь задачами

объединения, распределения известного числа участников по социальным ролям и управления ими с помощью административно-экономических стимуляторов.

Следует отметить, однако, что подобная концепция разделяется далеко не всеми современными зарубежными социологами. Примечательна в этом отношении позиция А. Инкельса. Имея в виду эту объективистскую концепцию, А. Инкельс пишет следующее: "Нисколько не сомневаясь в исключительной важности объективных факторов, определяющих ролевое поведение, я хочу тем не менее указать на то, что подбор лиц на те или иные роли и качество их выполнения в значительной степени находятся в зависимости от личных качеств тех индивидов, от которых зависит возможность того или иного человека изменить выполняемую им в определенное время роль и которые оказывают значительное воздействие на качество выполнения им этой роли" [1965, с. 288].

Для реализации программы подбора кадров и управления требуется изучение людей и учет не только их тенденций (установок, отношений, интересов и т. д.), но и сложного комплекса индивидуально-типических особенностей.

Применение в социальной психологии

экспериментальных методов исследования взаимодействия людей в малых группах (например, взаимодействия операторов в системах дистанционного управления машинами) оказалось весьма продуктивным. Особенно ценными являются данные, полученные Ф. Д. Горбовым и его сотрудниками при решении некоторых задач авиационной и космической психологии. Срабатываемость и эффективность работы малых групп зависят от психофизиологической совместимости участников групп (партнеров), наличия паритетных тактик, общности установок и интересов, отсутствия эгоцентрических устремлений и т. д. [Ф. Д. Горбов, 1963; Ф. Д. Горбов и Ф. П. Космолинский, 1967].

В исследованиях Е. С. Кузьмина и его сотрудников получены важные характеристики психологической эффективности работы малых групп [Е. С. Кузьмин, 1967]. Имеются данные, свидетельствующие о преобразованиях личных качеств при смене ролей и положения в группах. Вместе с тем в нашей лаборатории дифференциальной психологии и антропологии ЛГУ получены предварительные данные об особом значении психофизиологических характеристик (скорости различных реакций, психомоторных особенностей, сенсорно-

перцептивных и мнемических функций) для обеспечения оптимальной совместимости индивидов в групповой работе.

Все это позволяет думать, что ролевое поведение личности и ее отношение к группе следует рассматривать в нескольких аспектах, не ограничиваясь социологическим описанием этих явлений. Как правильно замечает Е. С. Кузьмин, "роль может оцениваться в социальной, социально-психологической и психологической системах. Роль в социальном плане – это скорее объективный результат и общественная значимость деятельности субъекта, личности. Роль в психологическом плане – это соответствие качеств индивида выполняемой роли. Роль в социально-психологическом смысле – это глубина понимания, принятие и ответственность в исполнении роли, это соотношение различных ролей, их конфликтность, это соотношение индивидуальной роли с групповыми нормами и ценностями и т. п. Все ценностные ориентации, нормы существенно зависят от динамики ролей и наоборот" [там же, с. 122–123].

Сочетание этих трех планов проблемы социальных ролей личности – необходимое условие ее теоретического и практического решения. В психологическом плане можно

выделить для специального учета потенциалы индивидуально-психического развития (одаренность, специальные способности, работоспособность, трудоспособность) и структурные свойства личности, в том числе ее темперамент. Среди исследований структурных свойств в их значении для групповой деятельности и коммуникации надо отметить работы В. С. Мерлина [1964], [1967] и его сотрудников, особенно Е. А. Климова [1958] и А. И. Ильиной [1967]. Для группового поведения и осуществления в его структуре той или иной социальной роли специфическое значение имеют черты общительности, модифицируемые, согласно данным А. И. Ильиной, в зависимости от подвижного или инертного типа. Так, медленность установления контакта в групповой деятельности в такой же мере характерна для нейродинамической инертности; как быстрота образования контакта и переключаемости связей – для нейродинамической подвижности. Однако в процессе совместной деятельности происходит известное сближение индивидуальных свойств.

Помимо специальных характеристик, относящихся лишь к одному из планов проблемы социальных функций – ролей личности, имеется общий центр, в котором находятся исследования

социологов, социальных психологов и психологов. Этим общим центром являются ценностная ориентация групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей. Для психологии этот центр духовного развития Личности· выступает как целостная совокупность, или система, сознательных отношений личности к обществу, группе, труду, самой себе [В. Н. Мясичев, 1960], взаимопроникновение смысла и значения [А. Н. Леонтьев, 1965], динамика установки [Д. Н. Узнадзе, 1966; А. С. Прангишвили, 1967], нравственные позиции и мотивы поведения формируемой личности [Л. И. Божович, 1960 и др.].

Все эти различные характеристики личности составляют существенные моменты ее внутреннего мира и общественного поведения, направленного на освоение, переживание и воспроизводство ценностей жизни и культуры. Поэтому психологическое исследование мотивации поведения личности невозможно без социолого-философского (аксиологического) и социально-психологического изучения самих ценностей [В. П. Тугаринов, 1960]. (Критика современной буржуазной аксиологии дана в кн.: М. И. Антонович, [1967].) Дело в том, что, как

правильно замечает В. П. Тугаринов, "отдельный человек может пользоваться лишь теми ценностями, которые имеются в его обществе. Поэтому ценности жизни отдельного человека в основе своей суть ценности окружающей его общественной жизни. Эти ценности условно делятся на ценности *материальные, социально-политические и духовные*" [1965, с. 151].

К материальным ценностям относятся техника и материальные блага – пища, одежда, жилище, сфера вещей, обеспечивающих известный уровень комфорта. Вопросам материального благосостояния и удовлетворения материальных потребностей людей уделяется большое внимание в социалистическом обществе. Однако лишь в совокупности с общественно-политическими и духовными ценностями материальные ценности выполняют функцию стимулятора индивидуально-психического развития. К общественно-политическим ценностям В. П. Тугаринов относит свободу, братство, равенство, справедливость; к духовным – образование, науку, искусство. В процессе становления нового человека в условиях развитого социалистического общества приобретают решающее значение такие конкретные ценности,

как Родина, труд и общение с людьми и природой, являющиеся своего рода синтетическими ценностями для наших людей. Направленность личности на те или иные ценности составляет ее ценностные ориентации.

Наиболее полно изучены ценностные ориентации, связанные с трудовой деятельностью людей в нашем обществе. Особый интерес представляет исследование Л. С. Бляхмана, А. Г. Здравомыслова и О. И. Шкаратана [1965], сопоставивших данные опроса 10 720 рабочих, полученных на 25 предприятиях Ленинграда, с результатами анализа статистических материалов этих предприятий. Они установили, что в ориентации молодежи в возрасте до 25 лет особенно большую роль играют перспективы роста. Для рабочих в возрасте 21–30 лет, когда складывается семья, особенно важным является улучшение жилищно-бытовых условий. Главное место в ориентации рабочих старше 40 лет занимают условия труда и отдыха.

Т а б л и ц а 10

Распределение выборочной совокупности по относительно устойчивым ценностным ориентациям (по совмещенным характеристикам поведения и высказанного желания) ($n=2665$)

Тип ориентации	Кол-во лиц*	В % к общему числу опрошенных
Ориентация на семью	1100	41,6
Ориентация на образование	627	23,3
Ориентация на общественную работу	329	12,3
Ориентация на работу на производстве	207	7,7
Ориентация на приработок	161	6,0
Остальные	970	36,3

* Один человек может ориентироваться на несколько видов деятельности, поэтому сумма по данной колонке больше числа опрошенных.

Т а б л и ц а 10

Распределение выборочной совокупности по относительно устойчивым ценностным ориентациям (по совмещенным характеристикам поведения и высказанного желания) ($n=2665$)

Лишь в самой старшей группе (50 лет и выше) ведущую роль играет ориентация на заработок, что авторы объясняют расчетами, связанными в основном с исчислением пенсии.

Своеобразная возрастная модификация мотивов трудовой деятельности подтверждается специальным исследованием, проведенным под руководством В. А. Ядова. Результаты этого

исследования представлены в табл. 10 (см.: Человек и его работа [1967, с. 249]).

Интересные данные были получены В. А. Ядовым и его сотрудниками при сопоставлении ценностных ориентаций молодых рабочих со старшими. Установлено, что для рабочих старшего возраста более высокое мотивационное значение имеют такие характеристики, как санитарно-гигиенические условия (0,48 против 0,39 у молодежи), состояние техники безопасности (0,38 и 0,20), оборудования (0,36 и 0,16). Для молодежи более значимы отношения с администрацией (0,37 против 0,11 у старших групп). Эти различия связаны непосредственно с физиологическим (условия труда) и социальным аспектами (молодежь более зависит от администрации, нежели ветераны, интересы которых администрация учитывает в большей мере).

С применением математических методов в конкретно-социологических исследованиях удастся обнаружить сложные корреляционные зависимости между различными факторами ценностных ориентаций. В. А. Ядовым и его сотрудниками построены графы связей, в которых показана различная мера связей, соединяющих возраст и общий стаж работы, с одной стороны

(0,713), с образованием, с другой стороны (0,945). Кроме того, возраст связывается с содержанием труда (0,226), с удовлетворенностью работой (0,167), удовлетворенностью специальностью (0,718).

Исключительно важное значение для характеристики ценностных ориентаций советской рабочей молодежи имеет стремление к знанию, ориентация на получение образования и самообразование (см. сб.: Социальные исследования [1965]; Личность и труд [1965]; Очерки развития личности нового рабочего [1966]; Труд и развитие личности [1965]; Человек и общество, вып. 1 [1966]; Человек и общество, вып. 2 [1967]). Ориентация на духовные ценности науки и искусства приобретает все более массовый характер по мере общего подъема материального и культурного благосостояния в социалистическом обществе. Переход на пятидневную рабочую неделю и связанное с этим увеличение свободного времени способствуют дальнейшему развитию духовных потребностей советских людей и всестороннему удовлетворению этих потребностей.

В непосредственной связи с развитием духовных потребностей взрослого населения нашей страны и возрастанием роли ориентации на

духовные ценности в общем комплексе ценностных ориентаций находится формирование духовных потребностей подростков и детей. Как показано Ю. В. Шаровым и его сотрудниками, в современной системе коммунистического воспитания именно формирование трудовых потребностей (познавательных, профессионально-трудовых, нравственных и эстетических) определяет процесс становления личности, уровень ее социальной, интеллектуальной и нравственной зрелости (см. сб.: Формирование духовных потребностей школьников [1966]).

Несомненно, что все это характеризует социально-психологические сдвиги в развитии социалистического общества. Но не менее важно то, что "ценностные ориентации личности – сфера субъективного, область индивидуального сознания людей", как пишут В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов [Человек и его работа, 1967, с. 256]. Выявление роли этих ценностных ориентаций в производственной деятельности, в общей совокупности факторов производительности труда свидетельствует об "относительной самостоятельности развития индивидуального (и общественного) сознания, его активном влиянии на реальное поведение людей в

производственных условиях" [там же]. (В главе IV той же работы А. Г. Здравомыслов, А. С. Шаев и В. А. Ядов разносторонне обосновывают это положение.)

3. Структура личности

Рассмотрение статуса, социальных функций и ролей, целей деятельности и ценностных ориентаций личности позволяет понять как зависимость ее от конкретных социальных структур, так и активность самой личности в общем процессе функционирования тех или иных социальных (например, производственных) образований. Современная психология все более глубоко проникает в связь, существующую между интериндивидуальной структурой того социального целого, к которому принадлежит личность, и интраиндивидуальной структурой самой личности.

Многообразие связей личности с обществом в целом, с различными социальными группами и институтами определяет интраиндивидуальную структуру личности, организацию личностных свойств и ее внутренний мир. В свою очередь, сформировавшиеся и ставшие устойчивыми образованиями комплексы личностных свойств регулируют объем и меру активности социальных контактов личности, оказывают влияние на образование собственной среды развития. Ограничение или тем более разрыв социальных

связей личности нарушают нормальный ход человеческой жизни и могут быть одной из причин возникновения неврозов и психоневрозов [Д. Б. Фурст, 1957]. Распад самих социальных объединений (интериндивидуальных структур) влечет ломку интраиндивидуальной структуры личности, возникновение острых внутренних кризисов, дезорганизующих индивидуальное поведение, вернее, совокупность индивидуальных поведений участников таких распадающихся объединений.

В этом отношении примечателен генезис паники, являющейся реакцией личности на разложение социального объединения, и распад данной социальной структуры. А. С. Прангишвили показал связь межличностных и внутриличностных преобразований в этом процессе распада объединений, в которых ослабевают единство действий и организованность массового поведения. Разрыв каналов коммуникации, за которым следуют распад системы кооперированных действий, дезинформация, смена социальных установок и т. д. в состоянии массовой паники, сочетается с переживанием ужаса, дезориентацией, потерей самоконтроля и другими явлениями панического состояния отдельной личности [1967].

Определенные связи между интер- и интраиндивидуальными структурами обнаруживаются во многих других состояниях психофизического напряжения личности (стресса, тревоги, ригидности или склонности к персеверации, фрустрации и т. д.). Эти состояния не носят массового характера (подобно паническим) и чаще всего являются целостным изменением отдельной личности при острых жизненных конфликтах (с другими людьми, социальными предписаниями, институтами и т. д.), лишениях и потерях (общественных благ, престижа, репутации, социальных связей и т. д.).

Состояния стресса, фрустрации и другие явления острых аффективных реакций у людей существенно отличаются от сходных состояний у животных, хотя и имеют в своей основе общие нейрогуморальные механизмы. Состояние фрустрации у человека является сложной целостной реакцией на барьеры, блокирующие деятельность. Сами барьеры в большинстве случаев являются фактами дискоординации социальных связей личности, ломки социального статуса и препятствий к исполнению социальных ролей, социальных и нравственных утрат и т. п.

Аффективное напряжение и активное противодействие барьерам социально

детерминированы. Первоначально состояние фрустрации однозначно определялось как проявление агрессивного типа реакции. Н. Д. Левитов правильно отметил ошибочность такого отождествления и истолкования всякой агрессии как фрустрации. Однако проявление агрессивного типа реакции при фрустрации он считает весьма частым. "Состояние агрессии, – пишет Левитов, – может быть внешне ярко выражено, например в драчливости, грубости, "задиристости", а может быть более "затаенным", имея форму скрытого недоброжелательства и озлобленности" [1967, с. 124]. Общее учение о психических состояниях человека изложено им в книге "О психических состояниях человека" [1964].

Как и другие аффективные состояния, фрустрация возникает в острых критических ситуациях. Однако динамика состояния определяется в значительной мере структурой самой личности. Фрустрация может развиваться как агрессивное состояние у несдержанного, грубого или экспансивного человека. У человека неуверенного в себе, сензитивного и более интравертированного фрустрация может развиваться по типу депрессии.

Не менее важно учитывать

интериндивидуальные связи человека, находящегося в предфрустрационном, фрустрационном или послефрустрационном состояниях. Выносливость по отношению к фрустраторам, отсутствие тяжелых и длительных страданий при их действии – в общем, толерантность – зависят не только от силы нервных процессов индивида, но и от наличия поддержки, моральной помощи, соучастия и сочувствия других людей, солидарности группы. Чувство защищенности в коллективе, как справедливо считал А. С. Макаренко, повышает выносливость человека к тяжелым испытаниям и сохраняет жизнеспособность в самых критических обстоятельствах. Анализ поведения человека в подобных экстремальных условиях позволяет глубже понять эффект взаимодействия объективных и субъективных факторов в динамике его поведения [К. Д. Шафранская, 1967].

К субъективным факторам относится и структура личности, оказывающая влияние на состояния личности, динамику ее поведения, процессы деятельности и все виды общения. Структура личности постепенно складывается в процессе ее социального развития и является, следовательно, продуктом этого развития,

эффектом всего жизненного пути человека. Как и всякая структура, интраиндивидуальная структура есть целостное образование и определенная организация свойств. Функционирование такого образования возможно лишь посредством взаимодействия различных свойств, являющихся компонентами структуры личности. Исследование компонентов, относящихся к разным уровням и сторонам развития личности, при структурном изучении этого развития обязательно сочетается с исследованием различных видов взаимосвязей между самими компонентами. (В нашей лаборатории дифференциальной психологии и антропологии ЛГУ такое исследование осуществляется И. М. Палеем. Среди множества корреляционных, факторных и других связей, обнаруживаемых посредством математической обработки экспериментальных данных, им выделяются различные виды зависимостей (генетических, функциональных, каузальных и т. д.), имеющих значение для образования и структуры личности.)

Известно, что далеко не все психофизиологические функции, психические процессы и состояния входят в структуру личности. Из множества социальных ролей, установок, ценностных ориентаций лишь

некоторые входят в структуру личности. Вместе с тем в эту структуру могут войти свойства индивида, многократно опосредованные социальными свойствами личности, но сами относящиеся к биофизиологическим характеристикам организма (например, подвижность или инертность нервной системы, тип метаболизма и т. д.). Структура личности включает, следовательно, структуру индивида в виде наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения комплексов органических свойств. Эту связь нельзя, конечно, понимать упрощенно как прямую корреляционную зависимость структуры личности от соматической конституции (характерными для такого понимания являлись работы: Э. Кречмер [1930], П. Матес [1927], М. Б. Топорова [1929], А. Е. Петрова [1927] и др.), от типа нервной системы и т. д.

Новейшие исследования показывают наличие весьма сложных корреляционных плеяд, объединяющих разные социальные, социально-психологические и психофизиологические характеристики человека. Факторный анализ позволяет выявить вес, относительное значение групп или комплексов разнородных характеристик, в которые входят

некоторые из нейродинамических свойств (сила, динамичность, подвижность нервных процессов) и конституционально-биохимические особенности организма (обмена веществ, энергетического баланса, морфологической структуры тела).

В коллективном комплексном исследовании лаборатории дифференциальной психологии и антропологии Ленинградского университета (в исследовании принимали участие Г. И. Акинщикова, Л. Н. Гольбина, М. Д. Дворяшина, Т. П. Кистер, И. М. Палей, Н. А. Розе, Н. Н. Обозов, К. Д. Шафранская, аспиранты, лаборанты и студенты факультета психологии ЛГУ) были получены серии корреляционных плеяд, включающих связи характерологических черт (интравертированности или экстравертированности), интеллекта (вербального и невербального), различных психомоторных, вегетативных, биохимических функций. Экспериментальные данные были получены не только в обычных условиях, но и в ситуациях интеллектуального напряжения (экзаменов). Путем сопоставления функциональных проб в состояниях, предшествующих экзамену (ожидание) и непосредственно следующих за ним (переживание

успеха или неуспеха, умственного утомления и т. д.), были установлены психофизиологические сдвиги, характеризующие цену интеллектуального напряжения у разных людей в связи со структурными особенностями их личности.

С помощью корреляционного и факторного анализа был обнаружен ряд комплексов, состоящих из разнородных показателей. Эти комплексы входят, как мы имеем основания полагать, в структуру личности. Наиболее значимый – первый фактор (длина вектора – 12.3%) – интеллектуальный, включающий ряд положительных корреляций с общим показателем умственного развития (0.81), вербального интеллекта (0.57), невербального (0.72), внимания (0.62), общей успешности учения (0.40).

Следует заметить, кстати, что в теории личности часто недооценивалось значение интеллекта в структуре личности. В психолого-педагогической литературе нередко встречаются мнения об опасности односторонней интеллектуализации личности. С другой стороны, в теории интеллекта слабо учитываются социальные и психологические характеристики личности, опосредующие ее интеллектуальные функции. Это взаимообособление личности и интеллекта представляется нам противоречащим

реальному развитию человека, при котором социальные функции, общественное поведение и мотивации всегда связаны с процессом отражения человеком окружающего мира, особенно с познанием общества, других людей и самого себя. Поэтому интеллектуальный фактор оказывается столь важным для структуры личности согласно полученным в нашей лаборатории данным.

Обобщая и комментируя результаты математической обработки этих данных, М. Д. Дворяшина обратила особое внимание на тот примечательный факт, что в интеллектуальный фактор входит отрицательная корреляция с основным обменом (-0.46). Следовательно, более высокий и интеллектуальный уровень характеризуется не только более высокими уровнями внимания и успешности выполнения (продуктивности) умственной работы, но и меньшими, чем в других случаях, энергетическими затратами организма в процессе умственной деятельности.

В свою очередь, этот показатель основного обмена находится в центре корреляционной плеяды, объединяющей ряд вегетативных и биохимических реакций, специфичных для данного человека. Таким образом, через этот метаболический центр интеллектуальные функции

связываются со многими другими состояниями организма, образующими общий фон интеллектуального напряжения. Этот фон характеризуется также возрастанием роли правого полушария в регулировании психовегетативных и сенсомоторных функций.

Из разнородных корреляционных плеяд с разнородным составом психологических и физиолого-биохимических показателей строятся и другие факторы с меньшим весом. Так, например, в фактор интраверсия – экстраверсия (весом в 8.8%) вошли как психологические показатели экстраверсии или интраверсии, так и метаболические характеристики, с которыми психологические показатели связаны более, чем с некоторыми другими психологическими параметрами (например, с так называемым нейротизмом, по Г. Айзенку). Фактор нейротизма, выделившийся в качестве самостоятельного, включает не только характеристику степени эмоциональной уравновешенности или неуравновешенности, но и ряд вегетативных эффектов (психогальванической реактивности, пото-отделения и т. д.), а также такие показатели интеллекта, как уровень внимания, с которым имеется положительная корреляция.

В любом из факторов, определяющих

структуру личности, обнаруживаются корреляционные плеяды, сложноветвящиеся цепи связей между отношениями и свойствами личности, интеллектуальными и другими психическими функциями, соматическими и нейродинамическими особенностями человека (см. наши статьи: Структура индивидуального развития как проблема современной педагогической антропологии. – Советская педагогика, 1968, No 1; Сенсорно-перцептивные характеристики индивидуального развития человека.– Вопросы психологии, 1968, No 1). Иначе говоря, целостный человек как социальное и психофизическое единство выступает в любом из параметров, характеризующих структуру личности. Однако определяющим и ведущим началом в этой структуре являются социальные качества, сформированные на базе статуса и комплекса социальных функций человека, характеристики основной его деятельности в обществе (труда, учения и др.). Сопоставление дифференциально-психологических и социально-психологических данных об одних и тех же людях показало наличие зависимостей между статусом в малой группе и коллективе, характером и интеллектом.

В совместно проведенном коллективом

комплексном исследовании лаборатории дифференциальной психологии и антропологии ЛГУ и сектора психологии Научно-исследовательского института вечерних и сменных школ АПН СССР (в исследовании принимали участие В. Н. Андреева, Л. А. Баранова, Л. М. Грановская, М. Д. Дворяшина, Н. Г. Зырянова, И. М. Палей, Я. И. Петров, Н. А. Розе, В. И. Сергеева, Е. И. Степанова, Л. Н. Фоменко) были обнаружены многие серии корреляционных плеяд, объединенных тремя основными факторами умственного развития в различных условиях обучения. К этим факторам относятся образный (сенсорно-перцептивный), вербально-логический и аттенционный (фактор внимания и произвольной регуляции интеллектуальных функций). Примечательно, что наиболее устойчивые (как положительное, так и отрицательные) корреляции нейродинамических характеристик входят в каждый из этих факторов, особенно в аттенционный.

Таблица 11

Связь организма с окружающей средой		Аспекты поведения ¹					
		Плоскость рассуждения					
	Нервная структура	Психодинамика	Регуляторный сигнал поведения, отражающий и предусматривающий пользу		Регуляторный сигнал, отражающий и предусматривающий вред		Поведение
Интеллект	Кора	Мысль	Обеспечение полезности и удовольствия, избегание опасности				
Нервный сенсомоторный цикл	Септально-гипокампоамигдалные дистантные рецепторы	Эмоция	Любовь	Обладание, захватывание	Ярость	Борьба	
			Надежда	Подкрепление	Страх	Убегание	
Метаболический цикл	Рефлекторные кон- тактные рецепторы	Гедоника (чувствование)	Удовольствие	Поглощение	Боль	Избавление	
					Утрата удовольствия	Восстановление	

¹ Представлено из неопубликованных данных, полученных Sandor Rado.

Таблица 11

Аспекты поведения

Мы имеем, следовательно, весьма серьезные основания полагать, что определенный комплекс коррелируемых свойств индивида (возрастно-половых, нейродинамических, конституционально-биохимических) входит в структуру личности.

В современной советской и зарубежной науке идеи сложных динамических структур, объединяющих социальные и психофизиологические особенности человека, приобретают все большее значение. В этом направлении строятся различные новейшие интерпретации связей внешней и внутренней направленности личности (ее экстра- и интравертированности), впервые описанные К. Юнгом (см.: С. Jung [1917]); имеется русский

перевод последней части книги К. Юнга "Психологические типы" [1927] с различными энергетическими и нейрофизиологическими характеристиками человека, полученными Г. Айзенком (см.: Н. Eysenck [1959]) и др. На основании изучения корреляции поведения и мозговой активности Р. Хит построил таблицу (табл. 11) [Высшая нервная деятельность, 1968, с. 267].

В этой схеме Хита имеются указания на довольно прямолинейные связи между сложными психологическими, нейрофизиологическими и биохимическими явлениями, в действительности включаемые, как мы убедились, в сложноразветвленные корреляционные плеяды. Тем не менее показательна попытка подойти к пониманию целостности поведения с помощью корреляционных сопоставлений. Эти корреляции канадский ученый Х. Леман дополняет указанием на необходимость анализа качественных характеристик социального и индивидуального развития личности [там же, с. 281].

А. Г. Ковалев и В. Н. Мясищев выделяют в качестве основных структурных особенностей личности соотношения социальных и индивидуальных тенденций в синтезе свойств личности [1963, с. 28].

В своей известной концепции В. Н. Мясищев единство личности характеризует направленностью, уровнем развития, структурой личности и динамикой темперамента, связывая именно со структурными особенностями личности меру и своеобразие ее целостности [1960].

Иначе объясняет возникновение структур психической жизни личности А. Г. Ковалев. Он полагает, что "развитие идет от разрозненных свойств к сложным интегральным образованиям или структурам: направленность, способности, характер. Синтез структур характеризует целостный духовный облик человека" [1963, с. 38].

Следует особо отметить, что А. Г. Ковалев относит к числу сложных структур и темперамент, который он называет "структурой природных свойств". К последним он относит нейродинамические свойства мозга. К сложным структурам им также относятся направленность (система потребностей, интересов и идеалов), способности (система интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств). Структуры представляют собой высший уровень регуляции деятельности и поведения в соответствии с требованиями ситуации и предмета труда. В синтезе эти структуры составляют своеобразный

духовный облик или характер человека. Многообразие структур влияет на характер внутренних противоречий. Внутренними А. Г. Ковалев называет противоречия, которые возникают вследствие неравномерного развития отдельных сторон личности. Это противоречия между притязаниями личности и ее объективными возможностями, между чувственным и логическим в процессе отражения, а также между разумом и чувством; несоответствие природных данных приобретенным свойствам личности и т. д.

Известна концепция динамической структуры личности, предложенная К. К. Платоновым. Эта структура образуется в процессе взаимодействия четырех сторон (или групп качеств), а именно: 1) биологически обусловленных особенностей личности; 2) особенностей ее отдельных психических процессов; 3) уровня ее подготовленности (опыта личности); 4) социально обусловленных качеств личности.

Остановимся на первой группе качеств, поскольку К. К. Платонов прямо говорит об их биологической обусловленности. К этим качествам он относит темперамент, тип нервной системы, физические недостатки, болезненные отклонения и задатки. О них сказано специально:

"К биологической стороне личности относятся и ее задатки. Нигде так отчетливо не видна вся сложность сочетания биологической стороны личности с другими ее сторонами, как в развитии задатков, т. е. наследственно обусловленных свойств личности. Примером этого может быть роль музыкального слуха, наследственного и приобретенного, в эстетическом развитии личности" [1963, с. 11]. Более полное изложение этих взглядов дано автором в первой главе книги "Личность и труд" [1965].

Такова, по К. К. Платонову, характеристика естественного, природного ("биологического") в динамической структуре личности. Автор подчеркивает, что личность изменяется как в процессе истории человечества, так и в процессе индивидуального развития. Человек рождается биологическим существом, а личностью становится в процессе онтогенеза, путем усвоения общественно-исторического опыта человечества.

Все четыре основные стороны личности (биологически обусловленные особенности, особенности отдельных психических процессов, уровень подготовленности или опыт личности, социально обусловленные качества личности) тесно взаимодействуют друг с другом. Доминирующее влияние, однако, всегда остается

за социальной стороной личности – ее мировоззрением и направленностью, потребностями и интересами, идеалами и стремлениями, моральными и эстетическими качествами. Несомненно, верна мысль К. К. Платонова о том, что далеко не все стороны одновременно взаимосвязаны друг с другом, но наиболее общей связью является взаимодействие социальных свойств с другими.

В последние десятилетия проведены серьезные исследования по отдельным проблемам психологии личности, итоги которых подведены в обобщающих работах Б. М. Теплова, В. А. Крутецкого, Н. С. Лейтеса, П. Р. Чамата, В. Н. Мясищева, А. С. Прангишвили, Р. Г. Натадзе (см.: Психологическая наука в СССР, т. II [1960] и др.). Многие ценные исследования, вошедшие в эти обзоры, касаются возрастных и индивидуально-типических связей лишь частично. Специальные обзоры итогов анализа детской психологии были сделаны в работах Л. И. Божович и Д. Б. Эльконина [там же]. Особый интерес представляет цикл исследований "Возрастные и индивидуальные особенности младших школьников", проведенных под руководством Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой [1967], однако охватывают они

лишь начальные периоды формирования личности.

Существенно отметить, что достигнуты первые результаты в установлении корреляций между отдельными параметрами психических функций в связи с возрастными и индивидуальными особенностями (А. А. Смирнов с сотрудниками) при комплексном изучении нейродинамических свойств человека (Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын с сотрудниками), структуры человека в целом (см.: Возрастные и индивидуальные различия памяти/Под ред. А. А. Смирнова [1967]; Типологические особенности высшей нервной деятельности человека, вып. V/Под ред. Б. М. Теплова [1967]. См. также работы И. М. Палея, Н. А. Розе, Г. И. Акинщиковой и других наших сотрудников в сб. "Человек и общество" [1966], [1967]).

Статус и социальные функции – роли, мотивация поведения и ценностные ориентации, структура и динамика отношений – все это характеристики личности, определяющие ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития. Совокупность таких свойств и составляет характер как систему свойств личности, ее субъективных отношений к

обществу, другим людям, деятельности, самой себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни. Переход отношений в черты характера – одна из основных закономерностей характерообразования. Впервые эта закономерность была обнаружена А. Ф. Лазурским, для которого отношения личности и генезис характерообразования оказались категориями одного порядка. В его программе исследований, проведенных с целью классификации личностей, были выделены 15 групп отношений личности к различным явлениям природы, общества, ценностям, к себе, ко всему, что составляет объекты этих отношений. В эти 15 групп входят отношения к вещам, природе и животным, отдельным людям (равным, высшим и низшим по общественному положению), социальной группе (общественное и корпоративное сознание), противоположному полу (чувственная и романтическая любовь), семье, государству, труду, материальному обеспечению, собственности, праву и нормам поведения, нравственности, мировоззрению и религии, науке и искусству, к самому себе (к своей физической и психической жизни, к своей личности) [А. Ф. Лазурский, 1923]. Личность в

этом смысле есть субъект отношений.

Вслед за А. Ф. Лазурским В. Н. Мясищев и его ученики развивают эту концепцию взаимосвязи и многообразия отношений, образующих личность. Структурной интеграцией отношений, согласно этой концепции, является характер личности.

Крупнейшим вкладом в теорию личности и характерологию является педагогическое учение А. С. Макаренко. Основанное на марксистско-ленинском понимании процесса становления человека и целей коммунистического воспитания, это учение необычайно глубоко показало формирование личности как члена микро- и макрогруппы (коллектива), через которые личность входит в более широкие системы общественных связей и взаимозависимостей – в общество, общенародную жизнь и мир человечества. В процессе социального формирования человека складывается его нравственный опыт, постоянно практикуемый в общественном поведении, а вместе с ним – комплекс ценностей и собственных свойств человека.

А. Ф. Лазурский полагал, что личности различаются по преобладанию в них внешних и внутренних источников развития ("экзопсихики" и "эндопсихики"). Впоследствии К. Юнг предложил

известную классификацию экстра- и интравертированных личностей. Е. Блейлер, Э. Кречмер, А. Адлер и др. использовали различные принципы социально-внешней и индивидуально-внутренней ориентации личности в качестве критериев ее определения. Однако социальный генезис характерологических свойств, включая и эгоцентрические, аутистические и антисоциальные черты личности, оставался закрытой книгой до тех пор, пока исследование процесса формирования отношений личности не было совмещено с изучением взаимоотношений между людьми (начиная с раннего детства) в той или иной структуре социальной группы. Именно в этом плане педагогический опыт и учение А. С. Макаренко были своего рода психологическим открытием, поскольку раскрывался социогенез характера, прослеживался переход внешних коллективных взаимосвязей во внутренние отношения человека к окружающему миру.

Человек становится субъектом отношений по мере того, как он развивается во множестве жизненных ситуаций в качестве объекта отношений со стороны других людей – взрослых и сверстников, коллектива и руководителей, людей, находящихся в различных социальных позициях и

играющих разные роли в истории его развития.

Переход взаимоотношений, преобразование интериндивидуальных связей, функционирующих в определенных обстоятельствах жизни, в интраиндивидуальные связи является обязательным условием образования структуры личности и ее характера. Таков основной вывод из цикла исследований, проведенных нами совместно с группой сотрудников в секторе психологии Института по изучению мозга им. В. М. Бехтерева. (В этих характерологических исследованиях, проведенных в 1932–1936 гг., принимали участие Л. Ю. Богомаз, А. Н. Давыдова, Н. Н. Прудников, Л. А. Шифман. Результаты исследования остались неопубликованными; во время блокады Ленинграда рукописи погибли. Из работ этого цикла была опубликована только наша монография "Психология педагогической оценки" [1935], а также наша брошюра "Воспитание характера школьника" [1941]).

На основании индивидуально-монографических и социально-психологических исследований мы пришли к выводу о том, что существует определенная объективная последовательность в процессе характерообразования. Раньше всего,

непосредственно в жизни социальной группы из взаимоотношений между ее членами возникают отношения личности к другим людям (эти отношения фиксируются в виде определенных позиций, рангов популярности, репутации, престижа, авторитета и т. д.); закрепляясь в практике общественного поведения, они превращаются в наиболее общие и первичные черты характера, которые были названы нами коммуникативными (эти свойства включают способы общения и общительности, привязанности и вкусы). Эти черты характера, в свою очередь, становятся внутренним основанием для образования других характерологических свойств (интеллектуальных, волевых, эмоционально-мотивационных), возникающих в процессе развития тех или иных видов деятельности, разнообразных отношений к жизненным обстоятельствам и событиям.

Длительные (лонгитюдинальные) наблюдения за одними и теми же детьми позволили проследить развитие этих отношений, многократно проявляющихся в жизненных ситуациях, их превращение во внутренние свойства личности, если они подкреплялись всей системой воспитания и опытом поведения самих детей.

Наиболее поздним (по сравнению с другими свойствами) является образование отношений формирующегося человека к самому себе. Во всех видах деятельности и поведения эти отношения следуют за отношениями к ситуации, предмету и средствам деятельности, другим людям. Лишь пройдя через многие объекты отношений, сознание становится само объектом самосознания. Требуется накопление опыта множества подобных осознаний себя субъектом поведения и реализации их в поведении для того, чтобы отношения к себе превратились в свойства характера, которые мы называем рефлексивными. Однако именно эти свойства, хотя они и являются наиболее поздними и зависимыми от всех остальных, завершают становление структуры характера и обеспечивают его целостность. Они наиболее интимно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками, выполняя функцию саморегулирования и контроля развития (результаты наших коллективных исследований по характерологии были изложены в брошюре "Воспитание характера школьника", опубликованной незадолго до начала Великой Отечественной войны), способствуя образованию и стабилизации единства личности.

Прошло более четверти века с тех пор, как

были начаты нами характерологические исследования личности, и, как нам кажется, развитие характерологии, в общем, подтверждает наши представления о процессе характерообразования (см., например: В. А. Крутецкий [1960]). Особенно показательны в этом отношении новейшие данные о роли коммуникаций в динамике структурных особенностей личности, о регулятивном значении восприятия и понимания человека человеком для процесса общения и самопознания.

Восприятие человека человеком, как показал А. А. Бодалев, составляет психологический аспект процесса коммуникации и информационно-регулирующий механизм общественного поведения [1965]. Нам особенно хотелось бы подчеркнуть характерологический смысл этих исследований. Экспериментальные данные А. А. Бодалева и его сотрудников показывают, что с накоплением и обобщением опыта общения повышается уровень социальной перцепции и саморегуляции поведения. В сфере восприятия проявляется общая закономерность характерообразования – формирование рефлексивных свойств личности на основе коммуникативных. На любом уровне и при любой сложности поведения личности существует

взаимозависимость между: а) информацией о людях и межличностных отношениях; б) коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения; в) преобразованиями внутреннего мира самой личности. Поведение человека выступает не только как сложный *комплекс* видов его социальных деятельностей, с помощью которых опредмечивается окружающая его природа, но и как общение, практическое взаимодействие с людьми в различных социальных структурах.

Вопрос о том, является ли поведение человека более общим понятием, чем деятельность (труд, учение, игра и т. д.), или, напротив, деятельность есть родовая характеристика человека, по отношению к которой поведение – частный вид, должен, как нам представляется, решаться конкретно, в зависимости от плоскости рассмотрения человека. В данном случае, когда нас интересуют именно личность и ее структура, можно считать поведение человека в обществе родовой характеристикой, по отношению к которой все виды деятельности (например, профессионально-трудова) имеют частное значение. Нам представляется весьма полезным с этой точки зрения понимание личности как субъекта поведения, посредством которого

реализуется потребность в определенных объектах и в определенных ситуациях. Такое понимание личности было предложено Д. Н. Узнадзе (см. его классификацию форм поведения, приведенную в табл. 12) [1966, с. 356].

Экстерогенные и интрогенные формы поведения не являются аналогами и далеко не полностью взаимозамещают друг друга. Исследование их взаимосвязи было лишь намечено Д. Н. Узнадзе, поставившим проблемы форм человеческого поведения в контекст своего учения об установке и объективации. Для дальнейшего развития учения Д. Н. Узнадзе характерно углубление знаний о мотивационной и регулятивной функциях установки. Ученик Д. Н. Узнадзе И. Т. Бжалава показал, что в общей системе саморегуляции установка – поведение – личность являются звеньями единой цепи [1966]. На основе теории установки, раскрывающей, в частности, природу фиксации внутренних свойств, В. Г. Норакидзе исследовал важные стороны процесса характерообразования [1966].

Разумеется, что внутренний план и программы поведения личности в обществе не исчерпываются установками и другими формами мотивации. Исследование социального статуса и социальных ролей личности, т. е. ее объективных

характеристик, позволило выявить активное участие самой личности в изменении статуса и социальных функций. Сложный и долговременный характер активности субъекта является показателем наличия не только приспособленных к отдельным ситуациям тактик поведения, но и стратегии достижения посредством этих тактик далеких целей, общих идей и принципов мировоззрения. Именно стратегическая организация поведения включает интеллект и волю в структуру личности, соединяя их с потребностями, интересами, всей мотивацией поведения личности.

В реальном процессе поведения взаимодействуют все "блоки" коррелируемых функций (от сенсомоторных и вербально-логических до нейрогуморальных и метаболических). При любом типе корреляции в той или иной степени изменяется человек в целом, как личность и как индивид (организм). Однако сохранению целостности организма и личности способствуют объективные условия существования человека в данной социальной и природной среде.

Все большее значение для такого исследования связей в интра-индивидуальной структуре приобретают методы корреляционного,

факторного, дискриминантного анализа. Нельзя, однако, недооценивать важность теоретических конструкций и различных идеализированных схем построения таких структур.

И. М. Палей сопоставил различные принципы построения структур в зарубежной психологии личности, особенно иерархической и автономной структур. В первой из них, согласно Г. Айзенку, существует многоуровневая организация свойств, при которой свойства субординированы: более частные детерминированы более общими. Например, субъективизм, возбудимость, ригидность и т. д. представляют более частные формы выражения интравертированности. И. М. Палей видит в этой иерархической конструкции основной смысл соподчинения свойств по степени обобщенности черт личности.

Р. Кэттел выделил ряд факторов, по отношению к которым существуют соподчиненные явления личности. Однако по отношению друг к другу сами факторы независимы, автономны в общей структуре личности, в которой они своеобразно рядоположены. Поэтому между такими факторами, как шизотимия – циклотимия, подозрительность – доверчивость, совестливость – приспособляемость и т. д., не существует

необходимых взаимосвязей, хотя возможны различные случайные совмещения их эффектов в поведении.

Т а б л и ц а 12

Формы поведения

Экстерогенные	Интрогенные
Потребление	Эстетическое наслаждение
Обслуживание	Художественное творчество
Уход	Игра
Труд	Спорт
Любознательность	Развлечение
Занятие	

Таблица 12

Формы поведения

Преодоление противоречий между интеграцией и дифференциацией свойств в структуре личности, степенью их обобщенности и конкретности оказывается непосильной задачей для современной зарубежной психологии личности.

Мы думаем, однако, что структура личности

строится не по одному, а по двум принципам одновременно: 1) субординационному, или иерархическому, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства; 2) координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т. е. относительную автономию каждого из них. Рассмотренные выше явления интеллектуального напряжения развиваются именно по координационному типу, подобно системе ценностных ориентаций, социальных установок, форм поведения, представленной в структуре личности сложным комплексом свойств.

4. Структура субъекта деятельности

Мы указывали ранее, что субъект деятельности, производящий материальные или духовные ценности, отличен от субъекта поведения в общем смысле этого слова. Определение субъекта деятельности вне исторически сложившейся формы предметной деятельности невозможно, так как субъект – предмет деятельности – средства деятельности составляют единое целое. Основной предметной деятельностью человека является труд, на базе развития которого возникли все другие формы ее, включая игру и учение.

Труд как производство материальной жизни общества имеет универсальное значение, поскольку посредством этой деятельности создаются: а) искусственная среда обитания, т. е. совокупность жизненно необходимых для человека условий; б) производство средств потребления, обеспечивающих воспроизводство жизни; в) производство средств производства, обеспечивающих технический и общественный прогресс; г) производство самого человека как субъекта труда и всех остальных его деятельностей в обществе. Структура труда как

основа деятельности складывается из взаимодействия человека как субъекта труда с предметом труда посредством орудия, которое является наиболее подвижной, изменяющейся (совершенствующейся) и активной структурной частью этой деятельности.

Современная психофизиология и комплекс технических наук позволяют рассматривать единую систему "человек – машина" как сложившуюся структуру, включающую множество более частных систем, каждая из которых есть единая связка "орган (афферентный, замыкательный, эфферентный) – орудие". Благодаря использованию орудия, как известно, производится изменение в объекте, т. е. в обрабатываемых природных материалах. Не менее важно и то, что продукт труда есть овеществление и осуществление (экстериоризация) сущностных сил человека. В системе "орган – орудие" человек приобрел мощное средство опредмечивания природы внешнего мира и собственной природы. Все орудия (инструменты, станки, технические устройства и т. д.) могут рассматриваться не только по отношению к объекту и вносимым в него изменениям, но и по отношению к субъекту и его природной организации.

Сформировавшиеся в процессе

общественно-исторического развития многие системы "орган – орудие" представляют собой характеристики не только технического прогресса, но и психической эволюции самого человека (см.: Б. Ф. Ломов [1966]; К. Штейнбух [1967]), особенно усиления, ускорения и преобразования психофизиологических функций человека. Эти системы являются усилителями (мышечной силы, осязательного различения, разрешающей силы глаза и т. д.), ускорителями и преобразователями (не только видов энергии, например механической в тепловую, световой в звуковую, но и соответствующих им сенсорных функций).

Диапазон трудовых ресурсов и резервов человека безграничен, поскольку он определяется социально-техническим прогрессом, с каждым новым шагом которого усиливаются, ускоряются и многообразно преобразуются нервно-психические потенциалы человека. По отношению ко всему "спектру" человеческих возможностей орудия труда выступают в качестве ультра- и инфрапотенциалов. Однако без них нельзя составить представление о всем спектре человеческих возможностей и всевозрастающем их осуществлении в процессе общественно-исторического развития.

При этом, разумеется, имеется в виду, что не

только орудия труда как вещи, технические предметы для обработки материалов природы выступают в подобной психофизиологической функции, но и вся совокупность исторически сложившихся и проверенных общественной практикой трудовых операций с этими орудиями выступает в качестве движущей силы психического развития человека. Между программой деятельности и процессом ее осуществления, мысленным построением (проектированием) будущего продукта деятельности и изготовленным производением ее существует строгая взаимосвязь, определяющая не только весь цикл трудовой деятельности, но и строй структуры человека как субъекта труда.

Человек является, однако, не только субъектом труда, с помощью которого преобразуется природа внешней среды и его собственная природа. Он в не меньшей мере является и объектом труда, поскольку коллективный труд людей (родителей и членов семьи, воспитателей и учителей, коллектива и руководителей его деятельности) обеспечивает возможность его формирования и развития как субъекта труда. Управление людьми является одним из наиболее сложных и важных видов труда, сочетающих его субъектно-объектные свойства, непосредственно

связанные с коммуникацией.

Специализация и выделение особых средств коммуникации, их относительная эмансипация по мере исторического развития от самого процесса производства материальной жизни связаны с внутренними законами развития языка, его словарного состава и грамматического строя, исходным механизмом которых является исторически сложившаяся знаковая система.

Если в процессе труда механизмом взаимодействия между человеком и объектом труда является орудие труда, то в процессе общения таким механизмом взаимодействия между людьми является знак, вернее, знаковая система.

Но язык, хотя и есть главнейшее средство коммуникации, не является единственным. Он всегда взаимодействует с неязыковыми средствами общения, в том числе с экспрессивными реакциями поведения (мимико-соматическими, интонационными и жестикулярно-тоническими и т. д.), семантикой поведения, т. е. смыслом и значением поступков людей в определенных обстоятельствах, процессом совместной деятельности в сложных трудовых актах.

Неязыковыми средствами общения являются и

знаки, не относящиеся к так называемым естественным языковым знаковым системам. Среди неязыковых знаков коммуникативное значение имеют многообразные сигналы и символы, с помощью которых осуществляются различные процедуры общественного поведения и организация взаимоотношений между людьми, в том числе нравственных, правовых и др. Для регулирования процедур коллективных действий в целях их взаимосогласования применяются правила сигнализации (вроде, например, правил уличного движения). Для регулирования и организации настройки коллективного поведения применяется та или иная символизация традиций, обычаев, иерархии отношений, прав и обязанностей членов групп, общей функции групп и т. п. [Л. О. Резников, 1964].

Знаки имеют своим содержанием исторически сложившиеся значения, т. е. знание о явлениях и законах природы и общества, обобщенный практический опыт в виде определенных правил, стереотипов, шаблонов и эталонов поведения. В силу этого по своему содержанию знаковые системы воспроизводят основные итоги труда и правила управления трудовым процессом, с одной стороны, накопление знаний и опыта

мыслительной деятельности, с другой.

Коммуникативная и логико-гносеологическая стороны языка, представленные в сообщении и сигнализации, не всегда берутся в единстве не только в языкознании, но и в психофизиологии (и в психопатологии) речи. Чаще всего страдает от одностороннего подхода коммуникативная сторона речи, что связано, вероятно, с недостаточной разработанностью наиболее глубоких социально-психологических аспектов проблем массовых, групповых и индивидуальных коммуникаций. Сложнейшие взаимопереплетения субъективно-объективных позиций речи определяют, как показала современная психология, не только устную и письменную речь, но и речь внутреннюю, для которой характерно сочетание редуцированных форм внутренних диалогов и монологов. Благодаря этому сочетанию объективно-субъективных позиций внутренняя речь является механизмом не только логического мышления, но и нравственного сознания с его переживаниями совести. Во внутренней речи, таким образом, наиболее глубоко сказываются эффекты общения (Б. Г. Ананьев [1946]; Б. Ф. Баев [1967]; А. Н. Соколов [1960]).

Следует выделить в качестве особой формы

деятельности познание, изучаемое теорией познания (гносеологией), логикой и психологией, науковедением и искусствознанием.

В настоящее время разрабатываются новые проблемы социологии познания, связанные с социальными функциями и формами познания, семантикой научного языка и семиотикой как науками о знаковых системах, их функциях в процессе познания. Познание имеет своими средствами не только знаки естественного языка (общенародного, исторически сложившегося), но и знаки искусственных языков гностического (например, математического) и практического (например, графического) назначения.

Соотношение знаков и орудий имеет особое значение в процессе научного познания с его методами эксперимента, наблюдения и измерения, практического применения и проверки результатов исследования на практике. Каждый из этих методов имеет методологическую (общетеоретическую), методическую (построение системы операций исследования, процедуры добывания и обработки научных данных) и техническую (связанную с аппаратом исследования, включая сигнализацию, фиксацию, регистрационную и вычислительную аппаратуру) стороны.

В настоящее время производство научной аппаратуры и другой гностической техники составляет одну из самых передовых областей промышленности. Поэтому ни в коем случае нельзя представлять научный прогресс лишь как прогресс знаковых систем в познании. Этот прогресс все больше сочетается с прогрессом научной техники, экспериментальных и измерительно-вычислительных средств познания. А сама познавательная деятельность с ее логикой и методологией неотделима от методических операций и техники исследования.

Познание как деятельность осуществляется не только в сфере науки, но и в сфере искусства. И здесь остается в силе соединение знаковых систем (например, нотописи, графических действий в сольфеджио, гармонии, контрапункте, музыке, поэзии, стилистике, литературе и т. д.) с определенной техникой (музыкальными инструментами, орудиями ваяния, графическими средствами и т. д.).

Познание как научная или художественная деятельность, посредством которой отражаются и моделируются существенные явления и законы бытия, развивается исторически как социальная деятельность бесчисленного ряда поколений многих народов различных эпох. Эта

преемственность и общность правил, процедур и средств деятельности составляют общие ее характеристики, изменяющиеся в особенных формах в соответствии с классовой сущностью той или иной идеологии. Вместе с тем, подобно труду и общению, познание есть конкретная деятельность конкретного человека в определенных условиях его жизни. В качестве объекта познания человек выступает перед психологическим познанием, существующим в трех основных формах: практического знания (например, во врачебной деятельности или в педагогической оценке), художественного познания и моделирования характеров (например, в литературе, драматургии, сценическом искусстве), научного познания людей (научно-психологического исследования).

Сознание есть общий эффект конвергенции труда, общения и познания.

Все это дает нам право считать, что человек – субъект прежде всего основных социальных деятельностей – труда, общения, познания, посредством которых осуществляется как интериоризация внешних действий, так и экстериоризация внутренней жизни личности. Баланс интериоризации – экстериоризации определяет структуру человека как субъекта

определенных деятельностей.

Интерииоризация как переход внешних действий во внутренние, образование внутреннего плана деятельности осуществляется не только посредством учения, но и всеми способами накопления жизненного и трудового опыта. По мере развития умения и умелости в определенной области деятельности постепенно повышается уровень регуляции движений и действий благодаря интерииоризации, которая связана с процессом усвоения знаний и непосредственно с накоплением опыта (основу этого процесса составляют общетрудовые умения [Е. А. Милерян, 1968]). Соединение знаний с опытом относится к важнейшим условиям формирования человека как субъекта деятельности, постоянного совершенствования его мастерства в определенной сфере деятельности.

Экстериоризация как переход внутренних действий и операций во внешние не есть лишь объективация и опредмечивание, но есть воплощение замыслов, реализация планов и программ построения новых объектов – в общем, созидание. Именно в этом плане диалектический материализм интерпретирует процесс превращения идеального в реальное. В своем конспекте "Науки логики" Гегеля В. И. Ленин

особо отметил, что "мысль о превращении идеального в реальное *глубока...* Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно..." [Поли. собр. соч., т. 29, с. 104].

Экстериоризация генетически зависит от развития интериоризации, начинающегося с первых моментов усвоения знаний и элементов общественного опыта. На определенных уровнях интеллектуального и практического развития экстериоризация сама начинает влиять на процессы усвоения, выступая в качестве фильтра усваиваемых знаний и действий, необходимых для творчества. Вместе с тем и на самых высоких уровнях творчества экстериоризация постоянно подкрепляется интериоризацией. Образование субъекта деятельности не завершается до тех пор, пока эта деятельность осуществляется; это своего рода перманентный процесс, относящийся к любому возрасту человека как деятеля. Образование новых объектов – материальных и духовных ценностей, создаваемых человеком для общества, – имеет более, позднее начало в индивидуальном развитии человека (старт творческой деятельности), но вместе с тем не лимитируется возрастом. Финиш творческой

деятельности может наступить только со смертью человека.

Биографические исследования ученых, писателей, художников, общественных деятелей, конструкторов и других творческих людей дали основание поставить вопрос о несовпадении критических моментов (старта и финиша) развития общей, профессиональной трудоспособности и специальных способностей. Нормативный характер имеет лишь установление нижних (старт) и верхних (финиш) порогов трудовой деятельности.

Моменты завершения трудовой деятельности нормируются пенсионными правилами, которые не означают принудительного прекращения трудовой деятельности, но дают право трудящемуся завершить свою трудовую биографию. Тем не менее старому человеку практически не удастся без ущерба для состояния здоровья справиться с общими производственными нормами рабочего дня. Инволюционные процессы сказываются на работоспособности, постепенно ограничивая ее объем и интенсивность, что приводит к постепенному снижению профессиональной трудоспособности (см. следующие работы о трудоспособности: А. С. Борзунов и др. [1963];

С. Л. Трегубов [1960]; Б. Г. Ананьев [1966]. – О соотношении общей трудоспособности и работоспособности имеются данные в работах: Г. Гримм [1965]; В. О. Милявская [1932]). Однако общая трудоспособность человека имеет более широкий диапазон развития. В виде известной готовности к производительной деятельности она складывается еще до начала профессионально-трудовой деятельности, а затем развивается вместе с профессиональной трудоспособностью как потенциалом основной деятельности в сфере производства, обслуживания и т. д.

Существует несомненная связь между более или менее ранним прекращением труда и преждевременным старением, поскольку труд и другие виды деятельности играют решающую роль в сохранении и восстановлении психофизических сил человека. Позднее завершение деятельности является, как показала современная геронтология, одним из главных факторов "удлинения жизни", долголетия. Здесь имеется в виду, однако, не только профессиональный труд, но вся совокупность трудовых (включая самообслуживание) и общественно полезных работ, выполняемых человеком и способствующих воспроизведению

его потенциалов. Длительное сохранение общей трудоспособности является главным показателем жизнеспособности долголетних людей именно потому, что в деятельности человека основные ресурсы и резервы не только реализуются, но и воспроизводятся.

Изучение человека как субъекта труда не может ограничиться характеристиками подготовленности, опытности, мастерства, производительности и качества выполняемой в данный момент работы. Не менее важно определить возможности дальнейшего развития трудовой деятельности человека, внутренние силы личности, значимые для повышения производительности труда в условиях совершенствования самого производства. Эти потенциалы и резервы человека в сфере труда и выступают в форме трудоспособности (общей и профессиональной). Более специальным выражением этих потенциалов в сфере творческого труда являются специальные способности (конструктивно-технические, организаторские, педагогические, художественные, научные и т. д.) (см.: А. Г. Ковалев и В. Н. Мясищев [1960]; Конференция по проблеме способностей [1962]; Склонности и способности/Под ред. Мясищева [1962]; Вопросы

профессиональной пригодности оперативного персонала энергосистем/Под ред. Б. М. Теплова и К. М. Гуревича), [1966]; Психологический отбор летчиков/Под ред. Е. А. Милеряна [1966]; Л. И. Уманский [1967]; Н. В. Кузьмина [1961]. – Дифференциация педагогических способностей (конструктивных, организаторских, коммуникативных) показана Н. В. Кузьминой [1967]. Различные стили творчества описаны в книге Н. В. Крогиуса [1957]).

Многие из специальных способностей являются более долговечными, чем профессиональная трудоспособность (например, конструктивно-технические, художественные и научные), а те, в которых доминируют психомоторные функции (спортивные, хореографические и т. д.), совпадают с профессиональной трудоспособностью и работоспособностью двигательных систем. Еще больше связаны специальные способности с общей одаренностью как основной потенциальной характеристикой человека – субъекта познания. Понятия трудоспособности, способностей, одаренности, а также жизнеспособности человека относятся к разным классам потенциалов человеческого развития.

Несмотря на крайне недостаточные знания о

том, существует ли какая-нибудь иерархия в системе этих понятий, есть ли какая-либо субординация и координация возможностей, все же никто не сомневается в реальности тех свойств человека, которые носят название потенциальных и виртуальных. Несомненно, что органом этих потенциальных свойств является мозг, продуцирующий всю "актуальную" деятельность человека. Поэтому не только допустимы, но и необходимы аналогии между линиями развития трудоспособности и одаренности, трудоспособности и жизнеспособности. Эти аналогии помогут в будущем построить некоторую общую модель резервов и ресурсов личности, которые проявляют себя в самых различных направлениях в зависимости от реального процесса взаимодействия человека с жизненными условиями внешнего мира и от структуры личности самого человека.

Генетическая общность между всеми видами человеческих ресурсов и резервов (дублирование и другие виды множественного резервирования функций рассмотрены нами в связи с билатеральным регулированием процессов поведения и жизнедеятельности) устанавливается в различных направлениях.

Первым из них является найденная С. Пако

корреляционная связь между одаренностью и жизнеспособностью (в показателях активного долголетия) [1960]. Вторым направлением, связанным с массовой психодиагностикой, является определение зависимостей между общей одаренностью (или так называемым общим фактором Спирмена) и специальными умственными способностями, между вербальными и невербальными способностями, разными видами интеллекта и т. д. [L. S. Hearnshaw, 1965]. Третьим направлением следует считать исследование связей между успешностью учения и умственной одаренностью, которую можно определить в виде показателей обучаемости (см.: Б. Г. Ананьев [1960], [1962]).

Имеются основания предположить, что трудоспособность можно определять через характеристики обучаемости и одаренности, а не только прямыми испытаниями функций, адаптированных к профессиональным видам труда. Предстоят еще поиски связей между общей трудоспособностью и специальными способностями, с одной стороны, и общей жизнеспособностью, с другой.

Особый интерес в этом контексте представляют проблемы взаимодействия специальных способностей в общей структуре

таланта (интересный опыт анализа взаимодействия изобразительных и литературных способностей в структуре художественного таланта осуществлен В. Л. Дранковым), взаимосвязи способностей и характера в этой структуре (эти проблемы были поставлены нами еще в 1945 г. [Б. Г. Ананьев, 1945], а затем в 1956 г. на совещании по психологии личности [Б. Г. Ананьев, 1956]), социальной функции таланта [Me Clelland, A. Baldwin, V. Bronfenbrenner, 1958], психологических характеристик творческого процесса в связи с социальной и индивидуальной природой творчества [Б. С. Мейлах, 1962]. Особенно важным представляется комплексное исследование субъекта определенной массовой деятельности в отношении различных потенциалов и тенденций развития личности. Таких исследований, проливающих свет на взаимоотношения между трудоспособностью, специальными способностями, общей активностью и интересами личности, ее психологическими свойствами, еще очень мало. Изучение сложной совокупности актуальных и потенциальных характеристик человека как субъекта деятельности – важнейшая задача всех наук о человеке.

5. Подступы к проблеме человеческой индивидуальности

В нашей работе сделана проба различения свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности, составляющих единую историческую природу человека. Понимание социальной детерминации всех этих свойств и единства их материальных механизмов позволяет объяснить генезис психических функций, процессов, состояний, тенденций и потенциалов человека, исследовать его внутренний мир объективными средствами современной науки.

Каждая из этих групп человеческих свойств является системой, открытой внешнему миру (общественной жизни, созданной людьми в их общественном развитии, искусственной среде обитания, географической среде и биогеносфере в целом, Вселенной). В постоянном и активном взаимодействии человека с миром – природой и обществом – осуществляется его индивидуальное развитие. Обмен веществ, энергии, информации и даже самих человеческих свойств в этом процессе взаимодействия имеет универсальный характер для бытия и сознания человека. Именно на этом постулате основано научное убеждение в

объективной познаваемости субъективных явлений и в эффективной возможности управления процессом человеческого развития (в этом отношении особенно значителен вклад С. Л. Рубинштейна в теорию познания человека [С. Л. Рубинштейн, 1957; 1966]). Благодаря открытости системы "человек – мир" человек есть, как утверждала еще античная философия, микрокосм, отражающий и представляющий в себе макрокосм – общество, природу, мир в целом.

П. Тейяр де Шарден имел основания "предсказать, что если мы идем к человеческой эре науки, то эта эра будет в высшей степени эрой науки о человеке – познающий человек заметит наконец, что человек как "предмет познания" – это ключ ко всей науке о природе" [1965, с. 275]. Нельзя не поражаться удивительной мудрости предвидения де Шардена, который писал далее: *"...человек как предмет познания имеет для науки уникальное значение по двум причинам: 1) он представляет собой, индивидуально и социально, наиболее синтетическое строение, в котором нам доступна ткань универсума, и 2) соответственно в настоящее время мы находим здесь наиболее подвижную точку этой ткани, находящейся в ходе преобразований. В силу этих*

причин *расшифровать человека – значит в сущности попытаться узнать, как образовался мир и как должен продолжать образовываться. Наука о человеке – теоретическая и практическая наука о гоминизации*" [там же, с. 277].

Действительно, современной наукой сделано очень много в познании происхождения и функционирования человека как открытой системы, взаимодействующей с миром и им детерминированной. В центре такой открытой системы находится комплекс свойств личности с ее бесчисленным рядом социальных связей и свойств субъекта деятельности, преобразующего действительность.

Для того чтобы подойти к проблеме индивидуальности с точки зрения целого (на молярном уровне), нужно представить человека не только как открытую систему, но и как систему "закрытую", замкнутую вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств (личности, индивида, субъекта). Конечно, такой подход к человеческой индивидуальности не является исключением, так как, по справедливому замечанию В. М. Бехтерева, "мир строится в форме замкнутых систем, представляя собой особые индивидуальности. Каждая индивидуальность может быть различной

сложности, но она представляет всегда определенную гармонию частей и обладает своей формой и своей относительной устойчивостью системы... Гармония частей есть основа индивидуальности..." [1926, с. 350].

Подход с этой стороны к явлениям *человеческой индивидуальности* нам представляется весьма перспективным. Именно в этих явлениях как бы замыкается *внутренний контур регулирования всех свойств человека как индивида, личности с ее множеством противоречивых ролей и субъекта различных деятельностей*. В такой относительно замкнутой системе, *"встроенной"* в открытую систему взаимодействия с миром, образуется определенное *взаимосоответствие тенденций и потенций человека, самосознание и "я" – ядро человеческой личности*.

Благодаря противоречивому сочетанию в человеке свойств открытой и закрытой систем его сознание является одновременно субъективным *отражением объективной деятельности и внутренним миром личности*. В этом относительно обособленном от окружающего внутреннем мире складываются комплексы ценностей (жизненных планов и перспектив, глубоко личностных переживаний), определенные

организации образов ("портретов", "пейзажей", "сюжетов") и концептов, притязаний и самооценки.

Но внутренний мир, конечно, если это не "мирок" обывателя, не есть укромное местечко для потерянной в мире индивидуальности, как это полагает экзистенциализм. Внутренний мир человека работает, и мера напряженности его работы (переработки опыта, выработки собственных позиций и убеждений, пути самоопределения и т. д.) является показателем духовного богатства индивидуальности. Эффекты его работы путем экстерииоризации проявляются в поведении и деятельности как продукты творчества, производящего ценности для общества. Через сложные переходы по различным видам связей из закрытой системы в открытую человек вносит свой собственный вклад в материальную и духовную культуру своего общества и человечества. Возможно, что с этими противоречивыми переходами связаны явления бессознательной жизни, экстатические состояния творческого напряжения, уровни сознательной регуляции (см.: М. А. Мазманян, [1962], [1963]).

В этом контексте уместно употребить слово "неповторимый", так как именно в *продуктах творческой деятельности*, изменяющей

окружающую действительность, выражается *неповторимый вклад личности в общественное развитие*. Еще Гегель в своей "Феноменологии духа" заметил противоречие между *натуральной индивидуальностью* с комплексом "неповторимых" природных заданных свойств и "индивидуальностью, которая видит себя реальной в себе самой и для себя самой", т. е. обладающей самосознанием, "я". Но эта истинная индивидуальность, по выражению Гегеля, *"вкладывает свою сущность в произведение"* [1959, с. 170] посредством деятельности.

Думается, что именно в явлениях экстерииоризации внутреннего мира человека, его объективации в процессах практической деятельности можно найти возможности объективного исследования человеческой индивидуальности. Если личность – *"вершина"* всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это *"глубина"* личности и субъекта деятельности. Измерение этой внутренней глубины возможно лишь объективными методами современной науки, в системе человекознания, которой посвящено наше исследование. Мы думаем, что одним из важных индикаторов человеческой индивидуальности является активность создающей, творческой

деятельности человека, *воплощение, реализация* в ней всех великих возможностей исторической природы человека.

В связи с нашим толкованием надо рассмотреть распространенные в литературе характеристики индивидуальности. С. Л. Рубинштейн ввел в психологию различие индивидуальных и личностных свойств личности. "...Свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям, — писал С. Л. Рубинштейн в 1957 г. — Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности* — это не одно и то же, что *личностные свойства индивида*, т. е. свойства, характеризующие его как личность" [1957, с. 32].

В этом разграничении индивидуальных и личностных свойств С. Л. Рубинштейн сделал лишь самую начальную попытку различить понятия "индивид", "личность", "индивидуальность", которые соответствуют главным характеристикам человека. Но это различие носит линейный характер, оно не отражает еще сложнейших обратных связей от одной из характеристик к любой другой.

Вот как С. Л. Рубинштейн описывал соотношение индивидуальности и личности: "Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств; человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему. Человек есть личность, поскольку у него свое лицо. Человек есть в максимальной мере личность, когда в ней минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум "партийности" по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как *личности* такое фундаментальное значение имеет *сознание* не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности" [там же, с. 34]. Вместе с тем С. Л. Рубинштейн оговаривается, что в данное определение должны входить также и *неосознанные* тенденции личности, вообще все то, что составляет ядро личности, ее "я".

Таким образом, в личностные свойства входят направленность, тенденции, черты характера и способности личности, поскольку они являются обобщенными результатами деятельности и ее потенциалами.

Осталось неуточненным определение

индивидуальных свойств, к которым относятся не только "неповторимые" явления индивидуальности, но, как ясно из подтекста этой работы, природные свойства индивида, которым С. Л. Рубинштейн всегда придавал большое значение. Таким образом, индивидуальное фигурирует и в собственном смысле как психологическая неповторимость отдельного, единичного человека, взятого в целом, во всех его свойствах и отношениях, и в естественнонаучном толковании человека как индивида с комплексом определенных природных свойств. Подобное сближение, а в некоторых случаях и отождествление оправдано тем, что индивидуальность всегда есть индивид с комплексом природных свойств, хотя, конечно, не всякий индивид является индивидуальностью. На наш взгляд, как было показано ранее, для этого *индивиду* нужно стать личностью. Сложные субординационные, "иерархические" связи здесь можно представить так: индивид → личность → индивидуальность. С. Л. Рубинштейн ясно сознавал невозможность понимания личности как совокупности внутренних условий, через которые действует социальная детерминация, без достаточного учета комплекса ее природных свойств. Другое дело, что этот комплекс им

обозначался то как индивид, то как индивидуальность. Важнее здесь отметить то, что личность, по мысли С. Л. Рубинштейна, обязательно включает в себя и преобразует индивидуальные, а с нашей точки зрения – индивидные свойства.

Сходная точка зрения на соотношение индивидуального и индивидуальности в сжатом виде изложена А. В. Петровским. "Человека как личность, – пишет А. В. Петровский, – характеризует система отношений, обусловленных его жизнью в обществе. В процессе отражения объективного мира активно действующая личность выступает как целое, в котором познание объективного осуществляется в единстве с его переживанием" [Философская энциклопедия, т. 3, с. 202]. А. В. Петровским употребляется понятие "*психический склад личности*", который является, по словам автора, "производным от деятельности человека и детерминирован прежде всего развитием общественных условий его жизни" [там же]. Слово "индивидуальность" используется как идентичное неповторимости в следующем описании психических свойств личности: "К психическим свойствам личности относятся характер, темперамент, способности человека, совокупность преобладающих чувств и мотивов

его деятельности, а также особенности протекания психических процессов. Это неповторимое в своей индивидуальности сочетание свойств у каждого конкретного человека образует устойчивое единство, которое можно рассматривать как относительное постоянство психического облика или склада личности" [там же, с. 201].

В литературе встречается толкование индивидуального лишь как единичного. Так, например, А. Г. Ковалев пишет: "Как всякая наука, так и психология восходит от единичного к общему. Психолог исследует многочисленный класс индивидуальностей, выясняя существенное и отвлекаясь от частного, случайного, второстепенного в духовном облике каждого; обобщая данные, он устанавливает закономерное, т. е. всегда общее или особенное... Индивидуальное бесконечно разнообразно. Несущественное в индивидуальном научного значения не представляет, от него отвлекаются, хотя в практике работы должно постоянно учитываться как вариант типического или отклонения от типического" [1963, с. 16, 19].

В. П. Тугаринов включает индивидуальность в число основных признаков личности наряду с разумностью, ответственностью, свободой,

личным достоинством. При этом индивидуальное, хотя и интерпретируется как неповторимое, присущее только данной личности, рассматривается как вариант общезначимого. Самое существенное в индивидуальности, по мнению В. П. Тугаринова, – ее направленность. *"...Индивидуальность становится общественной ценностью, – пишет автор, – лишь тогда, когда ее проявления направлены на служение обществу и общественному прогрессу"* [1965, с. 72].

И. С. Кон также отмечает, что "будучи социальной, личность в то же время индивидуальна, неповторима, так как данная структура и сочетание ролей и такое именно их осознание характерны лишь для этого человека и ни для кого другого... Одни и те же объективные условия в сочетании с разной индивидуальностью дают разный тип личности" [Философская энциклопедия, т. 3, с. 196]. В связи с этим он определяет различие социологического и психологического аспектов в изучении личности, подразумевая приуроченность последнего к анализу индивидуальных ее параметров.

Примечательно, что В. А. Ядов отделяет индивидуальное от социально-типичного в личности и рассматривает лишь последнее в

качестве предмета социологического исследования. В. А. Ядов пишет: "Предмет марксистской социологии – *общественные отношения*, лежащие в основе межличностного или группового взаимодействия. Поэтому мы полагаем, что индивиды интересуют социолога не как личности в точном смысле слова (индивидуальная неповторимость), но как представители некоторых социальных типов" [1967, с. 21].

Вопрос о личности и индивидуальности человека приобрел особое значение в связи с марксистской критикой неотомистского их понимания, персонализма и экзистенциализма. В этом плане интересна монография Р. Миллера (ГДР), в которой рассмотрены аспекты этих философско-социологических проблем. Он правильно выделяет положение о том, что "все богатство человеческой природы основано по существу на множественности и разнообразии способов выражения общего в индивидуальном" [1965, с. 162], и специально анализирует сложные целостные характеристики самой индивидуальности.

Но как психологии, так и социологии не удастся определить индивидуальное лишь в качестве неповторимости единичного феномена –

человеческого существования. В естествознании накопилось много фактов, доказывающих существование такого феномена не только на молярном, но и на молекулярном уровне.

Неповторимость феноменов обнаружена, как известно, в рисунке узоров кожного покрова (на чем основаны пробы отпечатков пальцев и опознавание по ним человека), в тембре голоса, связанного с конституциональными особенностями человека, в треморе разных двигательных систем, включая двигательный аппарат глаза. Новым для науки является открытие неповторимости частот биоэлектрических ритмов головного мозга и возможность опознания человека по электроэнцефалограмме (см. об этом главу "Признаки личности" в книге электрофизиолога Г. Уолтера "Живой мозг" [1966]). Однако самое любопытное заключается в почти полной автономности каждого из этих феноменов. Бесконечен ряд таких "неповторимостей". Вместе с тем обнаружить значимые корреляции между ними у одного и того же человека крайне трудно, как об этом свидетельствуют коллективные исследования наших сотрудников: Г. И. Акинщиковой, И. М. Палей, П. Л. Зазулиной, Е. А. Ивановой, С. Н. Левиевой,

В. П. Лисенковой [Человек и общество, 1966].

Создается впечатление, что у взрослого человека как бы умножается число степеней свободы каждого из компонентов сложной системы поведения и жизнедеятельности. Известно, что между множественными проявлениями индивидуальной изменчивости анатомической структуры не всегда отмечается какая-либо корреляция (положительная или отрицательная). Но, по мнению Р. Уильямса [1960], существует определенная связь между анатомической изменчивостью и изменчивостью *химического состава* (крови, слюны, желудочного сока, молока, костной ткани, кожи, волос и т. д.) *ферментных систем, инкреторной* деятельностью и типами экскреции.

Определенные взаимосвязи анатомической и биохимической изменчивости обуславливают особенности основного обмена, темпов роста, регуляции температуры тела, чувствительности к боли и хеморецепцию разных видов, а также индивидуальное своеобразие основных потребностей (в пище, кислороде, половых и т. д.).

Наиболее важная мысль Р. Уильямса, обращенная против идеи стандартного человека и абстрактного понимания нормы в медицине, —

мысль о том, что "медицина должна признать индивидуальность на биохимическом и физиологическом уровне" [1960, с. 244], не ограничиваясь признанием человеческой индивидуальности в социальном и психологическом отношениях.

Нельзя, конечно, согласиться с подобной рядоположенностью категории "индивидуальность" в отношении эритроцитов, ферментов, мозговых структур, синдромов заболеваний, характера и социального развития человека. Но думается, что смысл утверждения Р. Уильямса о наличии индивидуальности на биохимическом и физиологическом уровне заключен в другом. Учитывая огромное число фактов из разных областей биохимической изменчивости, он по существу усомнился в том, что индивидуальное своеобразие есть только свойство организма как целого. Разве не говорят факты об исключительной вариативности всех реакций и процессов, взятых порознь и в разных условиях, и о том, что индивидуальное своеобразие есть также свойство любой части этого целого? Новое в этой мысли заключается, как нам кажется, в допущении, что индивидуальное своеобразие части (функции, ткани, процесса и т. д.) в какой-то степени

независимо от целого, а в какой-то степени даже детерминирует организм как целое.

Так это или не так, должны показать длительные и систематические исследования. Но несомненно, что одной из причин кризиса теории конституции независимо от предлагаемых принципов классификации было абстрактное толкование целостности организма, при котором целое рассматривалось как совокупность соотнесенных морфофизиологических характеристик, совершенно автономная по отношению к каждой из этих характеристик. Даже допущение о доминировании в конституциональном типе какой-либо характеристики (например, мускульной в мускулярном типе, дыхательной в респираторном типе и др., по классификации Сиго) все равно согласовывалось с основной идеей о структурной независимости индивида как целого от бесчисленного множества индивидуальной изменчивости "элементов", из которых образуется это целое.

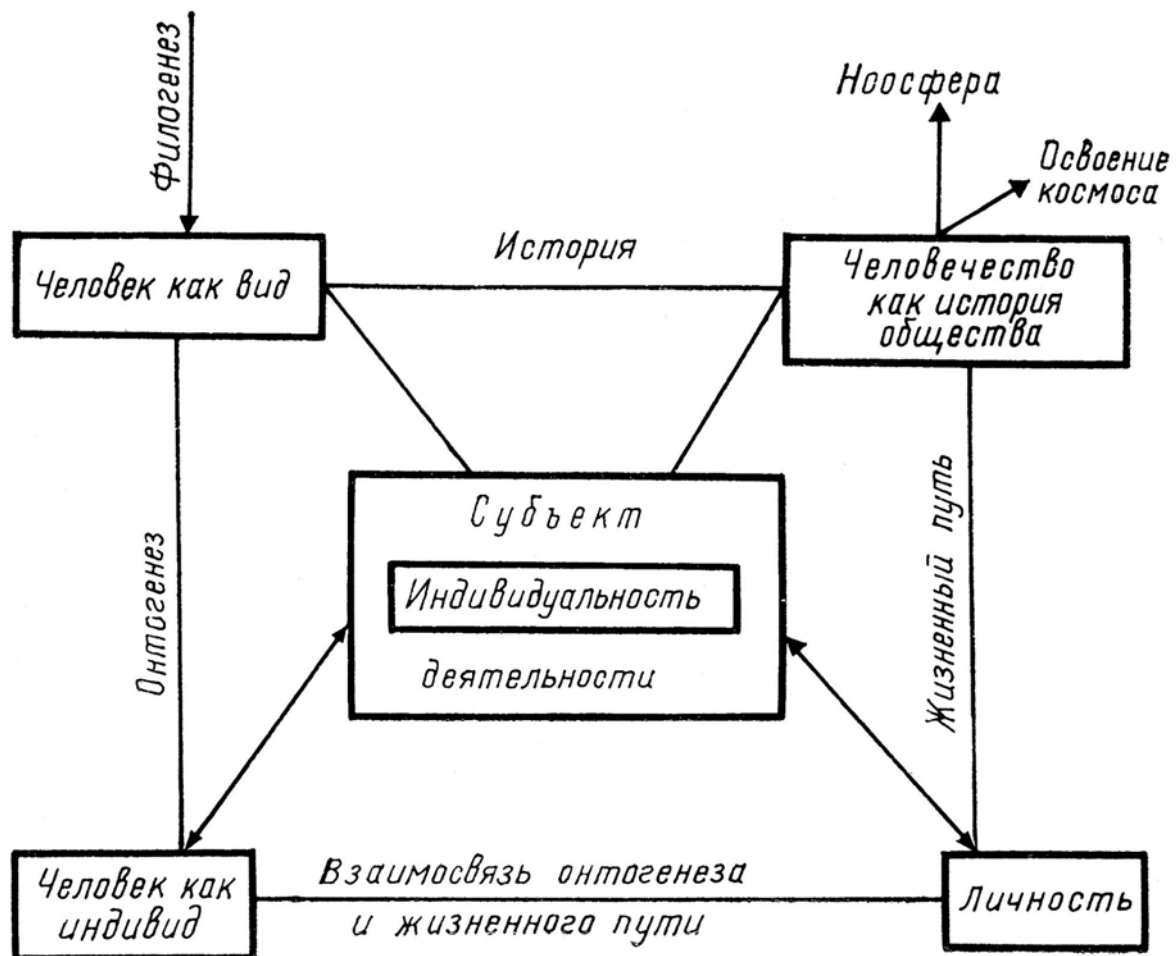

Рис. 16. Общая структура человека и взаимосвязи развития его свойств

Сходной идеей руководствуются и в тех случаях, когда в диагностике конституции или нейродинамических типов стремятся к определению "чистых" типов или когда, напротив, факты "смешанности" типических черт приводят исследователей к отрицанию фактов существования подобных "чистых" типов. Более глубокий анализ показывает, что дело здесь вовсе не в том, сводится ли индивидуальность к типу или, напротив, не сводится, поскольку типологическая модель всегда есть в той или иной мере абстрагирование от многих свойств

индивида. Диалектика целого и частей выступает и в этой области во всем своем значении.

Не только целостная система, но и основные ее компоненты индивидуализируются в процессе их взаимодействия. Мы старались показать, что в ходе онтогенетического развития и жизненного пути человека происходит прогрессирующая индивидуализация организма и личности человека, охватывающая все уровни этого развития (как молярные, так и молекулярные).

Следует учитывать, что реальный индивид противоречив и его многочисленные свойства разнонаправленны. Разнонаправленность и многоплановость индивидуальной изменчивости тканей, органов, химического состава, ферментов и т. д. определяются внутренними законами и физико-химической природой каждого из этих компонентов соматического типа человека. Поэтому и онтогенетические изменения по возрастным периодам, а также специфические проявления полового диморфизма можно определять не только при изучении индивида в целом, но и по индивидуальной изменчивости его частей.

В еще большей мере многообразии противоречивых связей и свойств представлено в социальном развитии личности и

психологической структуре человека. Единство человеческой индивидуальности и противоречивость ее множественных состояний составляют две стороны одной и той же закономерности ее развития.

Единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида. Иначе говоря, индивидуальность человека можно понять лишь при условии полного набора характеристик человека. Следовательно, человек как вид (*Homo sapiens*) и как человечество (общество в его историческом существовании) составляет основание для любого определения состояний каждого отдельного, единичного человека, являющегося индивидом, личностью и индивидуальностью.

Схематически можно было бы выразить общую организацию характеристик человека и способов развития его свойств так, как показано на рис. 16.

Мы видим, следовательно, что теория человеческой индивидуальности может быть построена только в системе синтетического человекознания.

Формирование системы человекознания в наше время стало возможным лишь благодаря успехам многих теоретических и прикладных наук, их взаимодействию в различных областях познания, особенно на почве психологии. В этом смысле синтетическое человекознание – наиболее общий результат современного научного развития. Однако в самом ближайшем будущем, как можно думать, ассоциация наук, образующих систему человекознания, станет важным фактором прогресса научного познания и общественного развития.